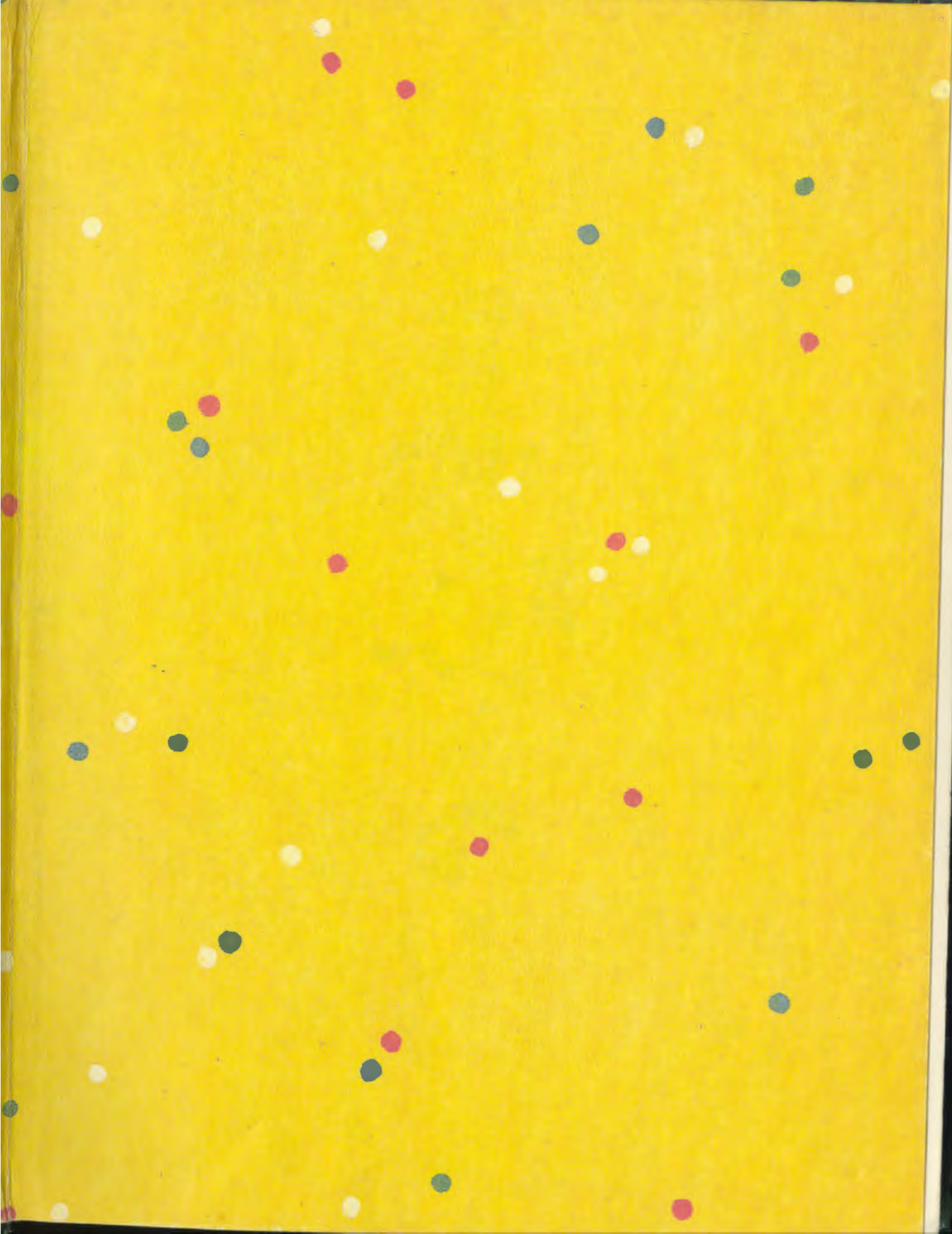

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

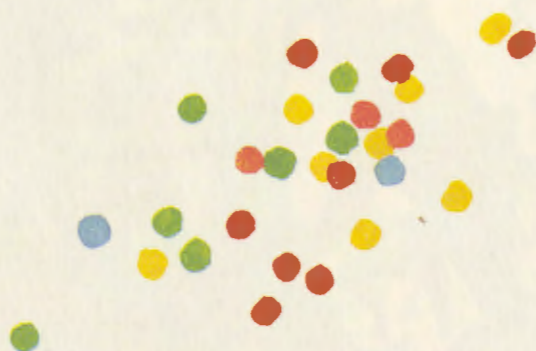
ОБЩЕЕ
СОБРАНИЕ

ЭДУАРД
УСПЕНСКИЙ
ОБЩЕЕ
СОБРАНИЕ
ГЕРОЕВ
ПОВЕСТЕЙ,
РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПЬЕС

Роме Карасюку
и его семье и
моим друзьям
счастл.
Дружески
31.10.94

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

и его борона

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГЕРОЕВ

ПОВЕСТЕЙ, РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПЬЕС

Подводные
береты
Рассказы
о природе

1
ТОМ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1993

ББК 84.Р7
У77

Ответственный за выпуск серии
Неонилла Самухина

Художественное оформление
Геннадия Никеева

Успенский Э. Н.

Полное собрание героев повестей, рассказов, стихотворений и пьес в десяти томах, том 1. Илл. В. Шевченко, оформл. Г. Никеева. С.-Петербург, Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993, 160 стр., илл. В переплете.

ISBN 5-7116-0011-7

В первый том десяти томного собрания сочинений вошли новая фантастическая повесть Эдуарда Успенского «Подводные береты» и рассказы о природе. В повести действуют необычные герои — дельфины. Они живут в океанских просторах. Там, в морской глубине, их настигают захватывающие дух приключения, невероятные опасности и удивительные встречи.

- © Э. Успенский, 1993
- © Иллюстрации В. Шевченко, 1993
- © Оформление Г. Никеева, 1993
- © Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993

У $\frac{4803010201-0011}{0Б7(03)-93}$ без объявл. — 93

Дорогие ребята! Это первая книга десяти томного собрания сочинений Эдуарда Успенского — писателя, поэта, автора пьес, песен и мультфильмов, неистощимого выдумщика, веселого сказочника, любимца детей и взрослых (если они остались в душе детьми, несмотря на приобретенную с годами солидность); отважного и мужественного Человека, который никогда не боялся самых страшных врагов нашей жизни — безликих, но всемогущих чиновников, которые, имея власть, диктовали всем и каждому: как жить, о чем думать, кого любить, что писать и читать и над чем смеяться. Всемогущими они были потому, что очень многие не решались сказать им правду. Хотя чиновники очень мешали жить Успенскому и не печатали его произведений, он не боялся их никогда — говорил им смело, в глаза, все, что думает. Потому у него и получаются такие замечательные книги и потому мы так любим его героев — крокодила Гену и Чебурашку, дядю Федора и кота Матроскина... Да и как их не любить?! Ведь они умеют дружить и дорожить дружбой.

В этой книге новые герои: дельфины. Повесть названа фантастической, но оказалось, что почти всё здесь истинная правда. Недавно газеты напечатали сведения, очень долгое время бывшие строго закрытыми, о существовании специальных «школ» и у нас, и в США, готовящих дельфинов для военных

целей. Наших меньших братьев использовали в экспериментах по сбору разведывательных данных, прикрепляя к ним специальные приборы, для разминирования морских глубин, по подрыву плотин и других объектов.

Список работ, которые делали «подводные береты», был строго секретным. А сколько дельфинов гибло, участвуя в этих экспериментах, подрывалось на минах, сколько их гибло при варварском отлове?!

А ведь современная наука доказывает, что у дельфинов очень высоко развит мозг — справедливо ли держать их в неволе, дрессировать и заставлять работать на такие негуманные цели.

Школьники в Америке стали организовывать митинги протеста против дельфиных цирков. Они говорят, что нечестно даже смотреть, как дрессируют таких разумных существ.

Прочтя газеты, рассказавшие о дельфинах, служащих подводными «солдатами», мы удивились — невероятная история, придуманная Успенским, обернулась действительными событиями. Таковы сказочки: сочиняют небылицы, а получается чистая правда.

Жаль дельфинов!

Как великодушны они и добры — об этом расскажет вам эта книга.

Они до сих пор терпят жестокое обращение и молчат.

Как хочется, чтобы они считали нас людьми, а не человекообразными.

От издателя

ПОДВОДНЫЕ БЕРЕТЫ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Художник
ВЛАДИМИР ШЕВЧЕНКО

НАБОР В ДИВЕРСИОННУЮ ШКОЛУ

том, что в одной тихой бухте Тихого океана открывается новая особая диверсионно-подводная школа, мало кто знал из презренных сухопутных душ. Потому что объявление об этой школе было помещено под водой.

Диверсионная школа из своих курсантов, в основном дельфинов, должна была готовить особые подводные войска с таким затуманенным названием «Подводные береты». В задачу «беретов» входило: ликвидация, уничтожение, захват, потопление и поиск. Для такой опасной и сложной работы нужны были ребята с железными нервами, лапами и мозгами.

Дохленький дельфин Генри не имел ничего подобного. Но он имел надежного друга Тристана. Оба они работали второй сезон в дельфиньем цирке «Глобус» на курортном побережье Тихого океана. Игра в баскетбол, прыжки через горящее кольцо, езда в упряжке и другая выступательная дурь....

— Рискнем? — спросил Тристан.

— Рискнем, — ответил Генри.

В программу экзаменов входило:

- 1) ориентировка на местности;
- 2) умение пользоваться биолокатором;
- 3) представка медицинской справки;
- 4) сдача экзаменов за четвертый класс средней школы (т. е. умение читать и считать до ста);
- 5) разное.

Вот это «разное» больше всего беспокоило Генри. Что-то неизвестное скрывалось за ним.

Что касается Тристана, его ничего не беспокоило. У них двоих думание и беспокойство входило в обязанности Генри.

Прошедшие вступительные испытания получали звание рядового государственной армии ШСА и зарплату, соответствующую зарплате лейтенанта той же армии на берегу.

Все дело было в том, что к этому времени русские, продолжая неустанную борьбу за мир, изобрели новое секретное оружие — подводную лодку, переходящую в самолет. И из генерального штаба немедленно в главное управление морского флота поступило указание: «Лодку взорвать, а потом сфотографировать, т. е. наоборот».

Так как в армии ШСА тогда не было военнослужащих, способных выполнить такой приказ, пришлось срочно организовать школу подводных диверсантов.

К сожалению, в это время в штат морской разведки армии ШСА, куда-то в верхние эшелоны, внедрился перво-классный русский разведчик. И не успели еще чернила высохнуть на первом варианте приказа, как текст его уже лег на стол главнокомандующему военно-морскими силами СССР генералу Сухому Власу Афигонычу (Афиногенычу).

— Та шо они вже совсим с ума посходили? — закричал генерал Афиногеныч. — Они ж нас разорить хочут. Нам тильки дельфинов не хватае.

И он тоже подписал приказ о наборе курсантов в школу подводно-диверсионной работы с условным названием «Белочка».

Сначала он хотел назвать эту школу «Дельфиний питомник „Красная звезда“», но его заместитель по подводной работе по крымскому побережью генерал Мокрый А. В. сказал:

— У нас есть собачий питомник «Красная звезда», театр

«Красная звезда», духи «Красная звезда» и даже газета «Красная звезда». Надо придумать более романтическое название. Например — «Амфибия».

Но слово «Амфибия» слишком демаскировало. Любой шпион, прочитав телеграмму-приказ «о выделении трех тонн рыбы для военной части № 5478-47 „Амфибия“», все сразу раскусил бы. А если рыбу выделили военной части № 5478-47 «Белочка», поди догадайся, что это такое. Скорее всего пионерский лагерь для детей военных типа «Артек».

Итак, началось. Одна школа — на Филиппинах, другая — между Ялтой и Севастополем. В ялтинскую школу, помимо дельфинов, набрали еще морских львов для несения военно-охранной морской службы и мелких морских котиков для мелких подсобных военно-подводных работ: погрузка, разгрузка, доставка почты и легкие водолазные работы типа спасения утопающих.

Набор в советскую диверсионную школу проходил без всяких там демократических сложностей. Вывели в море два катера с огромной японской сетью, загребли ближайшую стаю дельфиньего молодняка — вот тебе и весь набор.

Ближайший рыболовецкий колхоз обнесли колючей проволокой и объявили военной частью. Председателю колхоза присвоили воинское звание полковника, всем остальным, его замам, соответственно, дали звания ниже. Каждому колхознику выдали воинское обмундирование и запретили ходить в самоволку за колючую проволоку. Колхоз должен был снабжать дивбазу (диверсионную базу) «Белочку» рыбой.

Из уголка Дурова выписали несколько дрессировщиков и срочно их засекретили.

Ранним майским утром над Крымским полуостровом летел небольшой военный вертолет, а в нем размещалась целая бригада из разведштаба во главе с двумя генералами. Один генерал был местный, другой — из Москвы, один Мокрый, другой Сухой.

Вертолет подлетел к морской базе и стал делать над ней круг.

— А шо, — сказал московский генерал, — местность для морской базы выбрана чрезвычайно умно: горы, лес и, главное, море.

— Так точно, — согласился крымский генерал, — без моря дельфинам было бы трудно. А особенно кораблям.

Вертолет снаружи был зеленым и суровым. А внутри него кабина была обита бархатом и заставлена мягкими креслами. До полного комфорта только паркета, картин на стене да люстры на лонжероне не хватало.

— Как вы думаете, — спросил Сухой московский генерал местного генерала Мокрого, — не ошиблись мы с Моржовым? Потянет вин такую работу?

— Он очень опытный, — ответил Мокрый генерал. — Раньше он суворовскую школу возглавлял. Потом торпедный склад. А дельфины — они же где-то похожи.

— Значит, справится. Я думал, вы его из-за фамилии выбрали. Уж больно морская.

— Начали-то мы с фамилии...

Руководящая армейская молодежь в лице полковников и майоров, затаив дыха-

ние, слушала беседу руководящего состава и училась стратегическому мышлению.

— А как вы с дельфинами говорите? Они, шо, знают чоловічью мову?

— Некоторые с трудом говорят. А другим выдаем преобразователь речи. Он с дельфиньего переводит на любой.

— Это интересно, — задумался Сухой командующий. — А не бывает у вас такого, чтобы с русского на английский преобразовывал. Мне тут поездочка светит в ШСА.

— Я думаю, его можно перенастроить... — ответил Мокрый.

А в главной клетке ялтинского дельфинария выходила из себя красавица дельфина Павлова:

— Они еще говорят о свободе личности! О любви к природе! Забрали всех сюда, никого не спросив, и думают, что человек — царь природы.

— Слушай, Павлова, не бесись, — успокаивал ее огромный и спокойный дельфин Сидоров. — Ты же ведь здесь из любопытства. Ты же прекрасно знаешь: кто не хочет быть здесь — не будет здесь. Неужели ты не можешь взять зубами руку тренера

и немножечко прижать, чтобы он открыл тебе дверь наружу. Или этот низенький заборчик для тебя преграда? Тебя изучают люди, а ты изучаешь людей.

— Я уже один закон открыла, — сказала Павлова. — Вон видишь железка висит. Когда матрос стукнет железкой об железку, вон тот дядька в плаще понесет нам рыбу в ведре. Это явление я назвала «железковая память».

— Этот дядька в плаще очень добрый. Его зовут дядя Яша.

Оба генерала, московский и крымский, не торопясь шли по бетонной стреле, направленной в море, и заглядывали в клетки-вольеры.

Их сопровождал полковник Моржов. Другая командная мелочь была оставлена на берегу ввиду секретности разговора.

— Ничего, вид у них здоровый! — говорил московский генерал.

— Еще бы, стараемся, — отвечал крымский. — Мы им столько рыбы скармливаем, два районных города можно прокормить.

— А если их перевести на комбикорм? — задал вопрос старший генерал. — Или там на сено?

— Это мысль, — подхватил младший. — Как вы на это смотрите, полковник Моржов?

— Передохнут, — ответил Моржов.

— Да, дорогонько они нам обходятся, — загрустил старший начальник.

— Вместо одного дельфина можно два танка содержать! — подхватил младший.

— Ну да ладно, все же есть лирика, — сказал старший. — Товарищ Моржов, доложите главные идеи вашего проекта. Чертежи мы уже видели, объяснительную записку читали. Привяжите все к местности.

— Чего тут привязывать. Вот эту горку позади нас видите? Внутри нее будет главный командный пункт, катера и самолеты. Там будет подводный гараж.

— А какие меры приняты против аквалангистов и других плавсредств?

— Синий луч.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Вход в бухту будет перерезать синий луч. Если кто-то его пересечет, по лучу немедленно вылетит торпеда и вдарит по пересеканту. Ни один нарушитель не пройдет.

— А если, к примеру, это не пересекант, а свой захочет выйти в море на учения? По нему тоже вдарит торпеда? — спросил московский генерал.

— Все свои будут снабжены бликующим знаком-отражателем. Он отменит выстрел.

— Неплохо, — согласились генералы. — И сколько времени вам требуется на реализацию проекта?

— Не больше трех месяцев, товарищи главнокомандующие, — ответил полковник Моржов. — И два полных морских строительных подразделения. С экскаваторами, подрывниками, землечерпалками и гидропомпами.

На этом визит на дельфиний мол закончился.

— Что такое гидропопы? — спросил Сухой генерал у Мокрого вечером.

— Мокрые задницы, — ответил тот.

— А что это значит?

— Я думаю, так зовут морских чиновников-интендантов. Без них ведь тоже ни одно строительство не обойдется.

«ТРИСТАН, НА ВЫХОД!»

Прошло три месяца...

В кабинете полковника Еллоу на другом краю света, в дельфинарии конкурирующей с Россией державы ШСА, происходил интересный разговор между самим полковником и его шефами и боссами.

Из кабинета открывался потрясающий вид на бухту, океан и горные берега. Солнце просто плевалось своими лучами во все стороны, в том числе и в окно. Райский уголок.

Кабинет был наполовину залит водой. Шефы и боссы сидели вокруг стола в длинных резиновых сапогах и чувствовали себя не очень уютно. Сам полковник был в плавках, но при погонах и фуражке. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде.

— По нашим сведениям, в самое ближайшее время Россия приступит к серийному производству подводных лодок, переходящих в самолет. Наматываете? — сказал один босс.

— Наматываю, — отвечал полковник Еллоу (Желтов по-нашему).

— А мы до сих пор не имеем даже фотографии этой летающей амфибии.

— Летающих амфибий не бывает, — возразил дерзкий полковник Еллоу.

— Бывают, — сказал его заместитель подполковник Рэд (значит Красный). — Наматываем.

— Так вот, нам необходимо иметь это фото.
— Намек понял, — взял под козырек полковник Еллоу.
— Это не намек. Это приказ, — сказал пожилой седой бригадный адмирал. — И выполняйте его как можно скорее. Не забывайте: армия — это такой дом отдыха, где все делается по команде «Бегом».

Полковник Еллоу поднялся, нажал кнопку на столе и прокричал громким полковничьим голосом:

— Старского немедленно ко мне! Тристана на выход!

В отделе дальних командировок и спецзаданий на Тристане примеряли оборудование.

— Слушай, сынок, — говорил зав. техническим отделом морской технолог Юджин Старский, — ласты вверх до самого-самого упора — это выпуск ракеты. Ласты вниз до самого-самого упора — это фотосъемка. Только не перепутай.

Тристан вертелся в хомутах технических устройств.

— И что, я так и попрусь к русским с этими кандалами через весь окей-ан? — спросил Тристан.

— Да нет, конечно, — ответил Старский. — Тебя добросят до нейтральных вод на самолете. А уже дальше сам. Это каких-то двести миль.

Разумеется, вокруг Тристана крутился Генри. Никто и никогда не помнил, чтобы эти два дельфина плавали порознь.

— Слушай, Юджин, а нельзя послать нас на пару? — спросил Генри.

— Была бы моя воля, — ответил Старский, — я бы так и сделал. Но они говорят — опасно! Нельзя рисковать двумя боевыми единицами. Я им говорю, что вас отправить вдвоем — это стопроцентная удача. По одному хуже. Да мозги у них кленовые. У них все извилины в звездочки ушли.

— Ладно, — сказал Тристан Генри. — Не навязывайся. Я и один справлюсь. А теперь все встаньте в обнимку, я, пожалуй, фото на память сделаю.

Юджин Старский, поколебавшись, встал в центре. Два

подсобных матроса, взяв Генри на руки, встали впереди. Так они стояли по пояс в воде на цементном полу в отделе дальних командировок и спецзаданий.

— Ласты вверх до самого упора, — сам себе сказал Тристан, — это фотографирование.

Юджин Старский проявил какую-то невиданную реакцию. Он разметал всю фотогруппу в сотую долю секунды и сам успел скрыться под водой. Поэтому ракета, выпущенная Тристаном, не принесла особого вреда. Она только вылетела в огромное окно отдела и снесла к чертовой матери два складских помещения, в которых хранились канаты.

Долго по всему побережью, к радости туземцев, шел веревочный дождь.

Через некоторое время гидроплан с дельфином Тристаном на борту взял курс с Филиппин на Крым. Он держал путь в район Ялта — Форос — Симферополь.

Ох, как красиво вертится земной шар под самолетом!

Ох, как красиво бултыхнулся Тристан с высоты шестиэтажного дома прямо в волны!

На радаре у пограничников Крыма гидроплан был виден достаточно ясно. А вот что он сбросил в море за двести километров от берега, вызывало сомнения.

Одни пограничники думали, что был сброшен диверсант, другие — что подводная радиомина, а третьи... третьи ничего не думали, они играли в домино.

О сброске было немедленно доложено полковнику Моржову. Полковник бегом помчался на шифровальный пункт, чтобы отправить шифрограмму генералу Сухому.

«Самолет неизвестной национальности сбросил в территориальные воды СССР в районе Ялта — Форос неизвестный предмет», — диктовал он матросу-шифровальщику и телеграмма медленно заползала в аппарат.

Моржов подумал, что как-то невежливо получается. Надо было бы сначала поздороваться с генералом. И он решил закончить телеграмму словами: «Здравия желаю».

Но тогда еще хуже получилось бы: «Самолет неизвестной национальности сбросил в территориальные воды СССР неизвестный предмет. Здравия желаю».

Поэтому полковник закончил так — сухо и по-домашнему: «Обнимаю, полковник Моржов».

У главнокомандующего Сухого от такой шифрограммы глаза полезли на лоб:

— Чего это он разобнимался? Тоже мне родственник нашелся! У него там диверсия, а он обнимается!

Раздраженный Влас Афиногенович дал такой ответ:

«Предмет отыскать, сфотографировать, обезвредить и доставить. В случае сопротивления уничтожить. Об исполнении доложить. Запретить выход в море всем гражданским судам».

На территории плавбазы «Белочка» поднялась предвыплавная суетня. К Моржову срочно был вызван начальник военных кадров тов. Стукач С. С.

— Сергей Сергеевич, кто там у вас самый надежный?

— По анкетным данным — Сидоров.

— Это как понимать?

— А так. Родители работали в цирке на воде. Срывов не имели. За рубеж не выезжали. Пропагандой не отравлены.

— При чем тут родители? Стреляет-то он как? Как по карте ориентируется?

— Плоховато ориентируется. И стреляет неважно, особенно в цель. Но анкетные данные! Посылать-то надо за двести километров в сторону противника. Это почти уже зарубежная командировка!

Тогда полковник Моржов нажал кнопку усилителя у себя на столе и заорал громовым радиоголосом на всю секретную базу и ее окрестности:

— Павлову на выход!

«ПАВЛОВА, НА ВЫХОД!»

Как описать солнечную теплую погоду в середине лета в районе Ялта — Форос в середине моря? Когда уже не видно берега и его красок, а только вода, вода, вода, вода... небо, небо, небо, небо... да солнце. Только синяя вода, только синее небо, только пылающее солнце. Нет, я не умею это описывать!

Не умею, а все-таки попробую.

Вода, вода, вода, вода, вода, вода, вода, вода, вода, вода и еще много воды, воды, воды, воды.

Небо, небо, небо, небо, небо, небо, небо, небо, небо, небо и еще много неба, неба, неба, неба.

СОЛНЦЕ.

Плывет себе и плывет Павлова в сторону сброшенного предмета и радаром впереди себя пространство осматривает.

На животе у нее фотокамера, на спине что-то вроде пулемета. И все это больших доисторических размеров.

Вот на нее надвинулось большое планктонное облако.

Видимость глазами уменьшилась до метра. И тут она услышала незнакомый голос:

— Привет, старуха... ты что, на дачу собралась?

Павлова оглянулась и увидела справа недалеко от себя красавца Тристана.

— При чем здесь дача? На какую такую дачу?

— А при том. Зачем на тебе вся эта мебель?

— Это не мебель! — ответила Павлова. — Это приборы такие. А почему я тебя не заметила? Почему я тебя не слышала радаром?

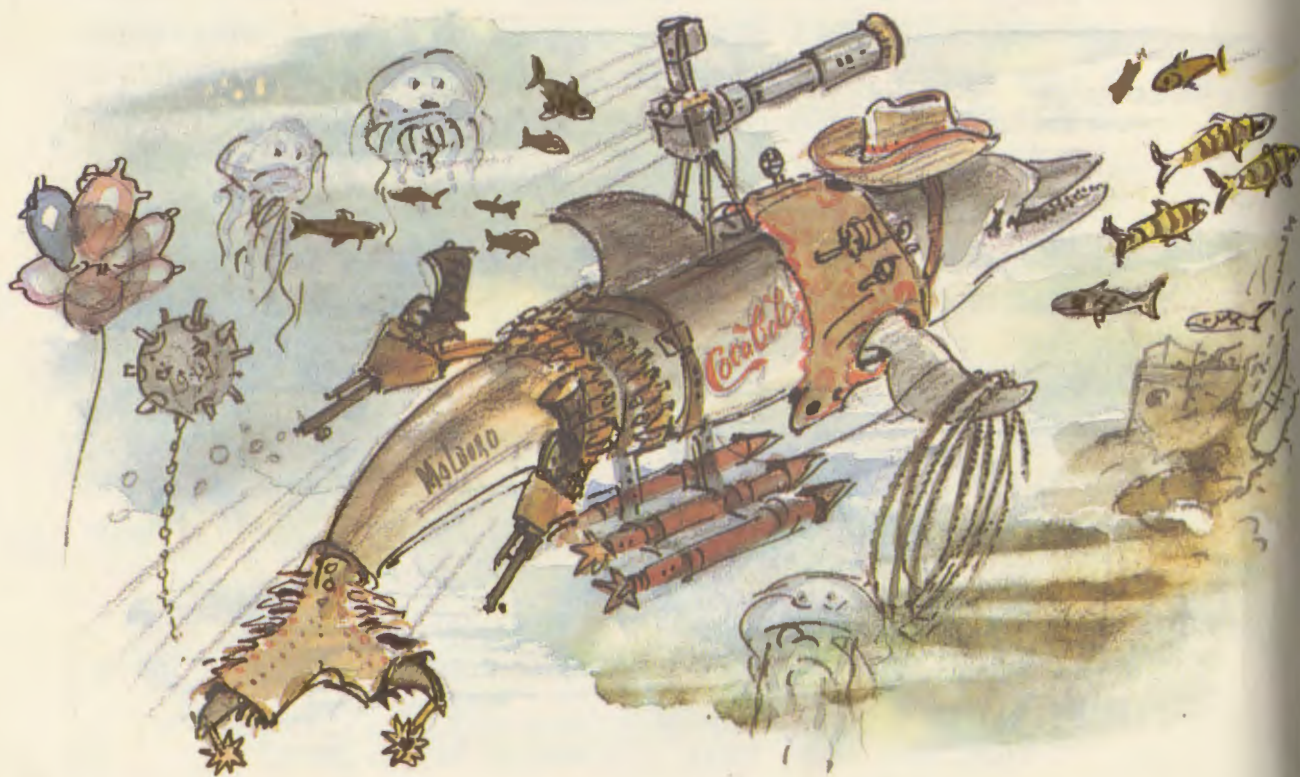
— Потому что на мне антирадарный жилет. Я — Тристан, из Америки. Я морской разведчик.

— Я — Павлова из России. У меня приказ тебя обезвредить.

— Меня не надо обезвреживать. Я и не вредный вовсе.

— Вот так сюрприз! — сказала Павлова. — А они там думали, что ты атомная бомба или торпеда. И что ты будешь разведывать?

— У меня задание сфотографировать подводную лодку, переходящую в самолет. Это трудно?

— Это пара пустяков. Они по утрам проводят испытания. Их штук десять здесь кружится.

— А что нам делать до этого?

— Понятия не имею.

— Знаешь что, давай я тебя сфотографирую на память.

— Здесь?

— Здесь. Мой аппарат все снимает даже ночью.

— Ну уж нет, — сказала Павлова. — Если фотографироваться, то на фоне пейзажей. Чтобы было что друзьям показать.

— Отлично. Плыдем к пейзажам.

— Подожди, — сказала Павлова. — Я эти хомуты сниму.

Тристан помог Павловой расстегнуть пряжку на животе и все неудобное техническое оборудование благополучно отправилось на дно.

Чтобы найти и достать его, дельфинам понадобилось бы не больше трех минут. Они видят дно и буквально осязают все предметы на нем, просто не сходя с места. Гораздо труднее для них снова натянуть на себя всю эту обязательку.

Павлова пошла шпарить по волнам в сторону берега.

— Э, нет, — сказал Тристан, — так я за тобой не угожусь. Мне с этими шкафами надо расстаться.

— А как же фотография?

— Фотографии делают перед расставанием. А мы только встретились.

Ультрасовременное снаряжение Тристана последовало вниз вслед за оборудованием Павловой.

Курортный берег Фороса представлял собой сплошной праздник. Отовсюду неслась музыка: с пароходов, из парка, с танцплощадок и просто от отдельных лиц с магнитофонами.

По всей длине берега висели лозунги:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРАЗДНИК НА ВОДЕ!»

«ВСЕ КАК ОДИН УЙДЕМ ПОД ВОДУ!»

«ДОРОГИЕ ФОРОСЦЫ!
НЕПТУН ОЖИДАЕТ ВАС ПОД ВОДОЙ!»

«МОЛОДЕЖЬ! ВАШЕ МЕСТО НА ДНЕ!»

«ПОСЕТИТЕ ДЕЛЬФИНИЙ ЦИРК
МАРКА АЛМАЗНОГО!»

— Послушай, Павлова, — спросил Тристан. — Как мне к тебе обращаться. Не звать же мне тебя по фамилии.

— Дядя Яша, наш завхоз, зовет всех нас «Рыбки». Он обычно кричит по утрам, когда еду приносит: «Рыб, рыб, рыб! Рыбки! А ну, Рыбка, быстро ко мне!». Мой тренер Васильев зовет меня Анна.

— Аннет, значит, — понял Тристан. — Так вот, Аннет, я бы с удовольствием посетил дельфиний цирк.

— Ну и посетим, — согласилась Павлова.

Проплыв вдоль побережья, они увидели на правом краю большой кусок моря, огороженный трибунами. Трибуны были забиты зрителями — взрослыми и детьми, и радостный их рев волнами катился в сторону моря.

В дельфинарии шла игра в волейбол. Дельфины в белых жилетках перекидывали мяч через сетку к дельфинам в красных. Они ловко подныривали под мяч и осторожно клювом толкали его вверх. Порой какой-нибудь красавец дельфин умудрялся в изящном полете ударить мяч носом и переправить его к противнику. Иногда мяч залетал на скамейки к зрителям.

Тристан подплыл к трибунам сзади и стал стучать клювом по стенке.

Тотчас несколько детских голов высунулось и дети стали смотреть на Тристана и Павлову сверху. Этих голов становилось все больше и больше.

— Ой, смотрите, еще дельфины!

— Морские! Настоящие!

К Тристану и Павловой полетели яблоки, булочки, кон-

феты. Постепенно половина зрителей переключила внимание с домашних дельфинов на диких. Ребят становилось все больше и больше. Даже трибуна слегка погрузилась в воду и стала скользкой.

Тристан стал плавниками просить мяч. И как только мяч прилетел к зрителям, они немедленно переправили его Тристану.

Игра тем временем сменилась. Дельфины в белых и красных жилетках заиграли в баскетбол.

Тристан отплыл подальше, так что ему хорошо стало видно баскетбольную корзину, прицелился, мотнул огромной башкой и отправил мяч в сторону баскетбольного щита.

Мяч подлетел к самой корзине, но в корзину не попал. Он заметался короткими ударами между корзиной и щитом.

— Ура! — завопил целый стадион детей.

— Повторить! — кричали взрослые.

Мяч снова передали Тристану.

Еще бросок. И опять неудача!!! Если можно считать неудачей бросок в район корзины почти с двадцати метров.

— Еще раз! Еще раз! — ревели трибуны.

В третий раз Тристан бросил мяч точно в корзину. Он долго вращался там в сетке, потому что попал туда под очень острым углом.

Стадион зааплодировал. Старший тренер подошел к краю трибуны с ведром рыбы и бросил Тристану и Павловой несколько самых сочных рыбин и крикнул:

— Эй, может, вы заплывете сюда.

Он стал жестами приглашать Тристана и Павлову заплывать в дельфинарий.

— У нас тут весело. И еда классная.

Тем временем с другой стороны дельфинария вышли в море два катера, между которыми была натянута волейбольная сетка.

«Мало того, что забрали лучших тренеров! — думал Алмазный Марк. — Мало того, что запретили ходить в море

за рыбой. Они еще не разрешают производить отлов дельфинов. Хорошо, что эта пара сама сюда пожаловала».

Два катера с растянутой сеткой приблизились к Тристану и Павловой.

— Что будем делать? — спросила Павлова. — Перепрыгивать или подныривать?

— Зачем? — сказал Тристан. — Сделаем все совсем по-другому. Вперед!

Он разогнался, как мощная торпеда. Перед самой сеткой он выпрыгнул из воды и таким мокрым бревном шлепнулся в сетку всеми своими тремястами килограммами. Мало того, что он шлепнулся всем весом, он еще сделал резкое движение, почти удар, нижней частью туловища.

Разумеется, оба ловца, державшие сетку, потеряли равновесие и вылетели из катеров прямо в воду под невероятно радостный вой трибун.

«Надо будет записать этот трюк в мой тренерский опыт, — решил про себя Марк Алмазный. — И надо будет запомнить эту пару. Мне нужны такие ребята».

А пара плыла все дальше и дальше от берега под настырный крик белых чаек и тихий плеск волн.

— Знаешь что, — сказала Павлова. — Мне надо снова надеть мою мебель. Иначе на базе будет скандал. И тренеру влетит.

— А мою? А моя мебель?

— Твою пока оставим на месте. А то ты такое нафотографируешь — одни щепочки останутся и осколки.

Дельфины направились к месту сбрасывания сбруи и с трудом напялили на Павлову ее оборудование — фотоаппарат, миноискатель и намордник для перекусывания якорных цепей.

После этого они быстрым солдатским шагом поплыли дальше.

— Вот мы и подплываем, — сказала Павлова. — Видишь, впереди на горах белая роща. Эта роща поднимается на гидравлических столбах, а под ней пещера.

— И там медведи спят, — проявил свои знания о России Тристан.

— Какие медведи? Там аэродром. Там подводные лодки, переходящие в самолеты. Они оттуда вылетают.

— А как же я туда доберусь? — спросил Тристан.

— Зачем?

— Чтобы их сфотографировать или взорвать. У меня же приказ на руках.

— Взрывать ничего не надо. И добираться туда не надо. Я же тебе говорила, что у них по утрам учебные полеты. Рано утром сюда приплывешь и фотографируй сколько хочешь.

— А ты?

— У меня по утрам занятия. «Поимка и задержание диверсантов».

— Вот и приходи сюда на практические занятия. Будешь меня задерживать сколько хочешь.

— Мы отрабатываем поимку аквалангистов. Ты же не аквалангист.

Они быстроплыли дальше и дальше.

— Стоп! — вдруг резким голосом сказала Павлова. — Ни с места.

— А что? Что случилось?

— Впереди синий луч.

— Что это такое — синий луч?

— Это охранное устройство. Если ты пересечешь синий луч, вон из той будки вылетит тепловая торпеда. И начнет тебя преследовать.

— Меня?! — закричал Тристан. — Да меня ни один катер не догонит.

— Катер не догонит, а торпеда догонит, — возразила

Павлова. — Она с форсированным двигателем и на нее натянута акулья шкура.

— А как же вы? — спросил Тристан. — Вы же пересекаете луч.

— У нас есть фосфоресцирующая фольга на груди. Это и пароль и пропуск в одно и то же время.

— Значит, я должен остаться здесь? — спросил Тристан.

— Здесь ты пропадешь с голоду. Здесь очень плохо с рыбой. Пойдем со мной. Тебя же надо накормить — такого здоровяка.

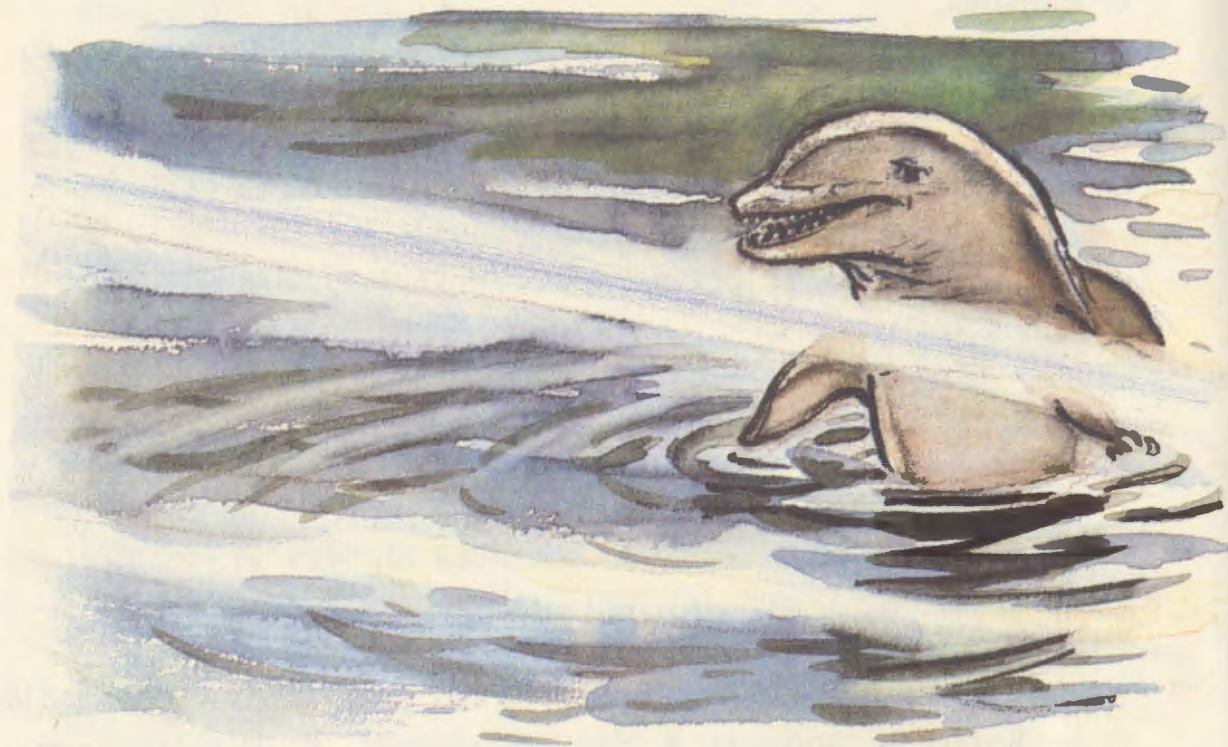
— Но как я пройду?

— Тебе придется меня обнять. Мы пройдем одним телом.

— О'кей!

Тристан очень много чего знал про повадки и выдумки ребят средних лет. И он подумал про себя: «Как школьники в метро».

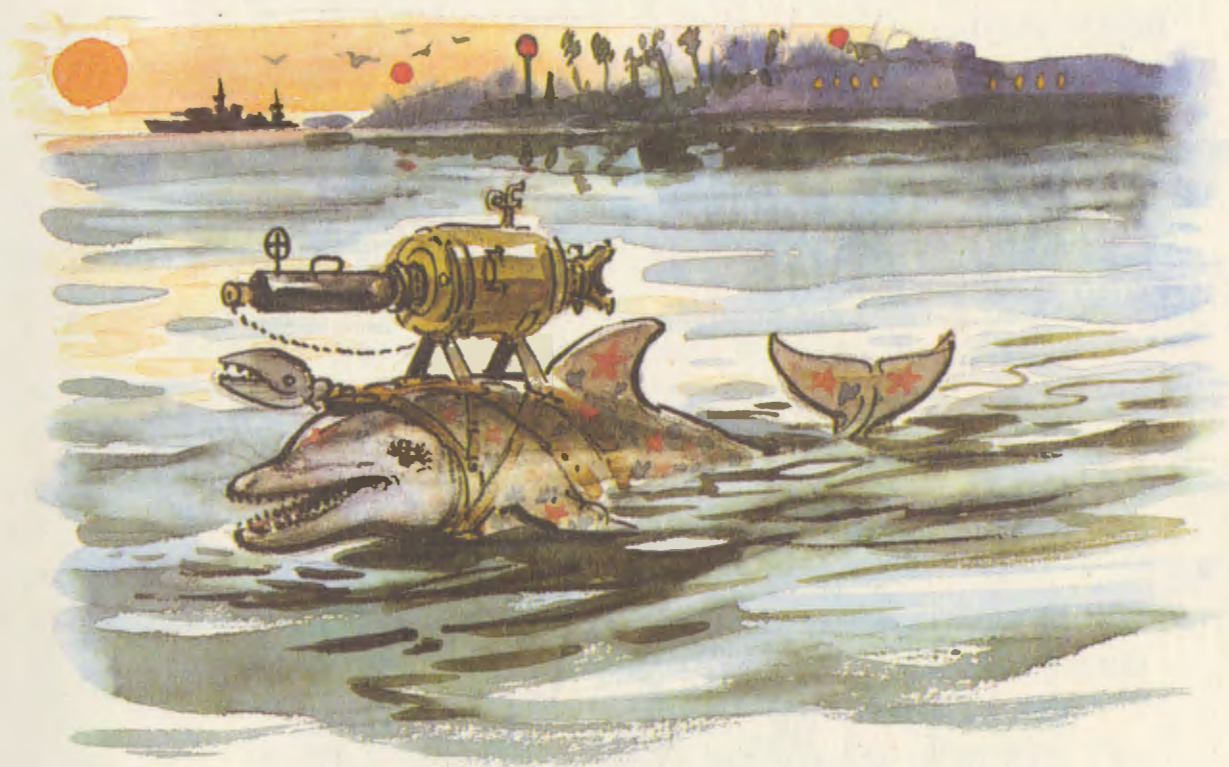
Очевидно, в предыдущей своей жизни Тристан был

школьником. (А может быть, Тристан так много знал про школьников потому, что младший сын морского технолога Старского Джонни постоянно читал ему книжки о городе и показывал видеокиномультфильмы и детективы.)

— Уж чего-чего, а обниматься я умею, — сказал Тристан и облапил Павлову. (Хотя это неправильно так говорить про дельфинов. Ведь у них плавники.)

— Но, ты не очень, — сказала Павлова. — Не очень-то обнимайся.

— Я же для дела, — возразил Тристан.

— Сейчас ты у меня схлопочешь тоже для дела.

— Но-но, — сказал Тристан, — без рук.

Они миновали синий луч.

— Послушай, — сказала Павлова, — какая у тебя запасная версия?

- Какая такая запасная версия?
- Ну, если тебя поймают, что ты будешь говорить? Что шел лодку взрывать?
- Кто меня поймают? — удивился Тристан.
- Наши, наши тебя поймают. У шпионов бывает запасная версия. Ну, допустим, ты бабочек ловил или приплыл бабушку навестить.
- Ага, с ракетной установкой на пузе и со шпионской камерой на голове.
- Твою установку никто не видел, а камеры и геологи используют.
- Я знаю, — сказал Тристан. — Я буду геодезический дельфин. Однажды на практике мы работали с геодезистами. Мы измеряли магнитное поле Земли.
- О'кей, — согласилась Павлова.
- Приближалась сторожевая вышка секретного пионерского лагеря «Белочка».

«ЗАДЕРЖАТЬ И ОБЕЗВРЕДИТЬ!»

...ЕСЛИ ПОЛУЧИТСЯ!

Полковник Моржов сидел с биноклем у окна уже почти половину суток. Он обшаривал всю гавань метр за метром. От солнечных бликов слезились глаза.

— Где же Павлова?

Но пусто было на волнах. Одни бумажные пакеты из-под молока беспокоили внимание полковника.

Каждые полчаса у него звонил телефон и начальственный голос генерала Мокрого спрашивал:

— Ну что, товарищ полковник, подводная мина еще не обнаружена?

— Никак нет, товарищ заместитель командующего.

— Неизвестный предмет никак себя не проявлял?

— Никак нет, товарищ заместитель командующего.

— Не пора ли уже поднимать по тревоге весь краснознаменный Черноморский флот?

— Никак нет, товарищ заместитель командующего. Подождем еще, я на Павлову очень надеюсь.

И он еще яростнее всматривался в треугольные молочные пакеты.

Заместитель по кадрам подполковник Стукач С. С. каркал под руку:

— Я говорил вам — непроверенный кадр эта Павлова. Надо было Сидорова посылать. А что если ваша Павлова ушла, да еще с фотокамерой.

Тут Моржов закричал:

— Вижу, вижу твою фотокамеру. Вон она плывет!

Он бросил бинокль на стол, схватил преобразователь речи, напоминающий противогаз без резиновой маски, и быстро вышел из кабинета.

Заместитель по кадрам тов. Стукач С. С. схватил бинокль, приставил его к глазам и начал очень внимательно исследовать бухту.

«Э, да она не одна пришла, — понял он. — С ней какой-то молодчик рядом».

— Глаз с него не спускать! — приказал он сам себе и сам себе ответил: — Есть не спускать глаз!!!

Как только Павлова и Тристан приблизились к дельфиньему комплексу, Павлова велела Тристану спрятаться под мостками.

Она вызвала служителя дядю Яшу из его домика специальной кнопкой на бетоне у мола и закричала:

— Дядя Яша, есть у тебя рыба?

Павлова не кричала, а скрипела, как все дельфины. И скрипела совсем негромко. Но дядя Яша давно уже работал с дельфинами, столько лет, сколько себя помнил, и он понимал все с полуслова без всякого преобразователя речи.

— Есть, — ответил он, — конечно, есть. А что?

— Вот этого молодого че... типа надо бы накормить.

— Сейчас накормим, — сказал дядя Яша и, взяв ведро, пошел за рыбой к леднику.

Через некоторое время он вернулся и стал бросать Тристану большие рыбины одну за другой. Он бросил их штук десять.

Павлова успокоилась и решила:

— Теперь можно к начальству.

Но, как это ни странно, Павлова не сразу поплыла к

начальству, а сделала две непонятные операции. Она нырнула и подплыла к подводной клетке с табличкой «Изолятор — Карцер — Предварилровка» и тяжелым блестящим намордником перекусила один прут внизу. Затем, не показываясь на поверхности, подплыла к своей собственной клетке и перекусила у себя пару прутьев на глубине. И только после этого снова вынырнула на поверхность. Но не около

своей клетки, а почти на середине бухты, в том самом месте, где погрузилась в воду.

Дверь в ее клетку со стороны моря была открыта. Павлова вплыла туда и увидела, что ее давно уже ждут тренер Петр Пустышкин и полковник Моржов.

Тренер Пустышкин сразу упал навзничь на бетонную по-

лосу и стал осматривать и трогать Павлову. Все ли в порядке? Нет ли ран и повреждений? Все было о'кей.

Он расстегнул ремни на дельфинихе и втащил на мол тяжелое шпионское снаряжение.

— Ну что, Павлова? — закричал Моржов через намордник-преобразователь. — Что сообщать начальству? Что там было: бомба, мина, робот-шпион или что?

— Ничего особенного, — ответила Павлова. — Так, один геодезический дельфин из Америки. Он измеряет магнитное поле.

— Какое магнитное поле? Чье магнитное поле? Наше магнитное поле?

— Магнитное поле Земли.

— И он из Америки? — допрашивал Моржов.

— Из Америки.

— Из ШСА?

— Ну да. Из ШСА.

— Где он сейчас? Ты его уничтожила?

— Зачем? — удивилась Павлова. — Зачем его уничтожать? Вполне приличный дельфин.

— Он же в наших водах измеряет магнитное поле, вода-то ведь наша.

— Вода наша, — согласилась Павлова. — А Земля-то общая.

«Да, — подумал про себя Моржов. — Политическая подготовочка у нее хуже некуда... Иностраный дельфин измеряет наше поле, считает наши магнитные линии, а ей хоть бы что».

Он не стал заниматься походным воспитанием Павловой. Он помчался к телефону успокаивать командующих и их заместителей, всяких там Сухих и Мокрых. Самое главное, что это была не атомная бомба. А с геодезическим дельфином мы разберемся. Мы ему еще покажем магнитное поле!

Тем временем заместитель Моржова подполковник Стукач уже готовил поимку Тристана.

— Катера, на выход! — командовал он. — Сети готовы!

Катера стали готовиться, прогревать моторы.

Тристан забеспокоился. Он слышал шум моторов под водой и понимал, что их включается все больше.

Высунув голову над водой, он видел, что у клетки Павловой идет беседа. Слышал, как автоматический замок в металлической калитке заклацал и щелкнул, отрезав ей выход в море. И понял, что все складывается не так, как хотелось бы. Поэтому он стал потихонечку пробираться к выходу из бухты.

— Товарищ Мокрый командующий! — закричал Моржов в трубку. — Вернувшаяся Павлова докладывает, что это не бомба и не мина. Это геодезический дельфин с аппаратурой.

А так как он не снял преобразователь речи, в трубке у начальника раздалось:

— Скрип — хрип — хроп — хряп — крип — рип — кроп — кряп — хром — бром — крью! Хлюп — хлип — палоли — липлапли — хрюп — хрюп... не хрен... Фиг — гиф — хри — фи — брамс!

— Ты чего там хрюкаешь? — закричал генерал. — Ты где это нахрюкался?

— Я не нахрюкался, товарищ командующий. Это я забыл преобразователь речи снять.

Он оттянул маску подальше от лица и повторил:

— Товарищ Мокрый командующий! Вернувшаяся Павлова докладывает, что это не бомба и не мина. Это геодезический дельфин с аппаратурой.

— Очень хорошо, — сказал товарищ Мокрый. — Приказываю дельфина обезоружить, погрузить в ванну и доставить для допроса в Симферополь живым или мертвым.

— Как в Симферополь? Почему в Симферополь? —

залопотал Моржов. — В какой ванне? Как доставить? Куда доставить?

— В центральное разведывательное управление флота! Вот куда, — резко ответил заместитель командующего Мокрый.

— Это что каприз? — спросил Моржов.

— Это приказ, — сурово ответил генерал.

Моржов опустошенно положил трубку на рычаг, но тут же с радостью увидел, как несколько катеров гоняют по бухте неизвестного дельфина. На одном из катеров рядом с рулевым он увидел Стукача.

Катера пытались сетью захватить мощного красавца самца. Но это было настолько глупо, что даже ребенок понял бы, что это бесполезно.

Катера то толкали друг друга, то со всего хода отскакивали один от другого как бильярдные шары. То два катера ловили в сети третий.

«Просто мультипликация! — подумал про себя Моржов. — У этого подполковника не мозги, а побрякушки. Додумался, боевого дельфина рыбацкой сеткой заманивать».

Моржов включил радиокомандное устройство на столе и проревел на все окрестности:

— Самолеты-амфибии на выход. Все привести в боевую готовность! В бомбовые отсеки загрузить контейнеры с сонным порошком.

Но так как преобразователь речи остался у него на лице и случайно включился, по всему водоему разнеслось:

— Храп — хрюп — хреп — крек — крак — крюк — хлюп — хлип — бомс — брамс — пирс — парс — перс — хр.. пр... тр... — и так далее.

Так что Павлова и все дельфины поняли: дела у Тристана плохи. И не спасут его сильные мускулы, быстрые плавники

и быстрые мозги. Против системы людей бессильны личности дельфинов.

А пилоты самолетов не поняли ничего.

Поэтому у Тристана появились шансы добраться до синего луча раньше самолетов.

Моржов быстро исправил свою ошибку и повторил приказание уже без преобразователя речи. И взревели на этот раз уже самолетные двигатели.

Может быть, Тристан и успел бы добраться до синего луча, перепрыгнуть через него, если бы ему не мешали катера.

Они заходили то справа, то слева и перегораживали дорогу сетью. С каждым разом Тристану все труднее давался прыжок через сеть. А тот фокус, который он применил около дельфинария, здесь не проходил. Сети были снабжены специальными пружинами и удар по ним только отнимал силы.

«Кажется, я доигрался! — подумал Тристан. — Эх, Павлова, Павлова!»

Вот вверх поехала белая роща на белых столбах вместе со всеми березами, гнездами и воронами на них. Вот засветились огоньки взлетной полосы. Вот вылетели на вечерний солнечный свет три самолета повышенной обтекаемости. Вот они взяли курс в сторону Тристана, погнались за ним, дымя белыми хвостами.

И как ни метался, как ни нырял Тристан, запутывая след, порошковое облако настигло его и накрыло белым саваном.

А когда настигло его облако, всплыл он вверх брюхом в сопровождении многих мелких рыб и медуз.

— Приказ катерам, — ревел Моржов из своего кабинета, — подобрать дельфина, пока он не захлебнулся!

Но ничего не делали люди на катерах и не могли сделать: они спали. Спали прямо в катерах, несущихся с бешеной скоростью неизвестно куда.

Из одного самолета катапультировался второй пилот. Он

ударился об воду с огромной кучей брызг и глубоко ушел в море. Потом он вылетел пробкой на поверхность, снова ушел под воду и снова всплыл.

Пилот осмотрелся и подплыл к Тристану. Он обнял дельфина, что-то сказал ему и поднял его клюв над водой.

Так их вместе и втащили в лодку.

Через час после этих событий наступила ночь.

ПОБЕГ

ристан проснулся ночью с дикой головной болью. Он долго не мог вспомнить, что с ним случилось и где он находится.

А лежал он, готовый к отправке в Симферополь, в пластмассовой ванне в изоляторе предварительного заключения.

Проснулся Тристан оттого, что кто-то сильно раскачивал ванну и толкал его в бок через мягкую пластмассу.

— Тристан, очнись! — говорила Павлова.

— Тристан, возьми ты себя в руки! — говорил другой голос.

Два дельфина, Павлова и Сидоров, в конце концов опрокинули ванну и выкатили Тристана в воду.

— Тристан, тебе надо бежать!

— Чего? — поразился очухавшийся Тристан. — А решетки?

— Они внизу перекусаны.

— А синий луч?

— Мы дадим тебе фосфоресцирующую жилетку.

Чем больше Тристан приходил в себя, тем самоувереннее становился.

— А если я не хочу уплывать? А если мне кто-то очень сильно понравился?

— А если тебя начнут допрашивать? А если тебя заставят выдавать военные секреты? — спросила Павлова.

- Да я им ничего не скажу.
- А если они вольют в тебя водку? А? Ты хочешь, чтобы из тебя сделали предателя?
- Нет, не хочу, — испугался Тристан. — Но как же мое задание? Я же ничего не сфотографировал. Как я посмотрю в глаза полковнику Еллоу?
- Ничего, — успокоила Павлова. — Ты можешь смело смотреть в его военные глаза. Ты ему нарисуешь картинки.
- Это мысль, — решил Тристан, — нас ведь специально учили рисовать. Полковник Еллоу на уроках тактики всегда говорил: «Карандаш, автомат и консервы — вот три кита, на которых держится армия!».
- Тристан заторопился.
- Ладно, давайте вашу жилетку.

В это самое время на другом краю земного шара великий военный тактик полковник Еллоу говорил своему заму подполковнику Рэду:

— Уже прошло почти двое суток, а мы не имеем никаких вестей от Тристана. Я очень беспокоюсь о нем.

— Я тоже очень обеспокоен, — поддержал его подполковник Рэд. — Если нам позвонят из генерального штаба, я не знаю что и сказать. Что же будем делать?

Вместо ответа Еллоу нажал кнопку на столе и прорычал в настольный микрофон:

— Внимание, морские службы! Генри на выход!

— Нет, они определенно идиоты! — заявил технолог Юджин Старский, когда услышал это. — Ведь я же им говорил, что надо выпускать дельфинов парой. Не слушали. Теперь все равно посылают второго дельфина. И опять в одиночку.

Однако долговременная служба в рядах приучила его исполнять даже самые дурацкие приказы военного начальства.

И он со своей бригадой старательно и спешно начал снаряжать Генри в полет.

Через два часа Генри был полностью экипирован. И выглядел как картинка с плаката «Подводные береты на защите родины». Он весь так и сверкал оборудованием.

— Ну что, — спросил Генри у матросов-технологов, — будем фотографироваться на память?

Матросы помалкивали.

— Насколько я знаю, — настаивал Генри, — есть такой обычай.

— Я тебе сфотографируюсь! — закричал Старский. — Вон видишь на берегу веревочный склад в два этажа?

— Не вижу, — ответил Генри.

— Правильно, не видишь. Потому что твой дружок Тристан его еще в прошлый раз сфотографировал.

Он продолжал подтягивать ремни на Генри:

— Не забудь, что у тебя радиомаяк на спине. Длинный сигнал — «Все в порядке», два коротких — «Я возвращаюсь», серия коротких — «Я в опасности».

— И все ко мне прибегут? — спросил Генри.

— Смотря какая опасность, — проворчал один из матросов-ассистентов. — Может быть, наоборот, убегут.

В результате всех этих событий получилось, что в одно и то же время стартовали дельфин Тристан с советской базы в сторону Америки и дельфин Генри с базы ШСА в сторону России. Генри в теплой ванночке на самолете, Тристан пешком в холодной воде.

В ночном тумане Тристана никто не тревожил и не доставал. Несколько миль он плыл в полной тишине и комфорте. Его издерганные нервы постепенно приходили в порядок.

Вдруг он услышал за спиной жуткий вой военной сирены.

Постепенно нарастал шум прогреваемых моторов.

По воде и по небу зашарили прожектора.

«Все ясно, — подумал Тристан, — хватились».

Теперь надо было резко увеличить скорость и прорываться сквозь луч. Либо, наоборот, следовало затыриться в береговых камнях и сидеть там пару недель.

Тристан правильно понял — хватились. И хватился заместитель по кадрам подполковник Стукач С. С. Он был чрезвычайно доволен тем, что сумел обнаружить иностранного дельфина. Он ожидал всяческих похвал от начальства и никак не мог заснуть от возбуждения. Уже ночью он решил еще раз пойти и полюбоваться на пленника.

И на тебе! Ванна опрокинута, а клетка пуста. Тревога!

И снова прозвучал сигнал боевой тревоги. И снова один за другим вышли в море катера. В этот раз все матросы были в противогазах, чтобы в сонном виде не уплыть в Турцию.

И снова поднялась на гидравлических столбах березовая роща с тренированными воронами. И вылетели в небо самолеты, переходящие в подводные лодки.

Да только найти в море дельфина — это все равно, что найти иголку в стоге сена, особенно ночью.

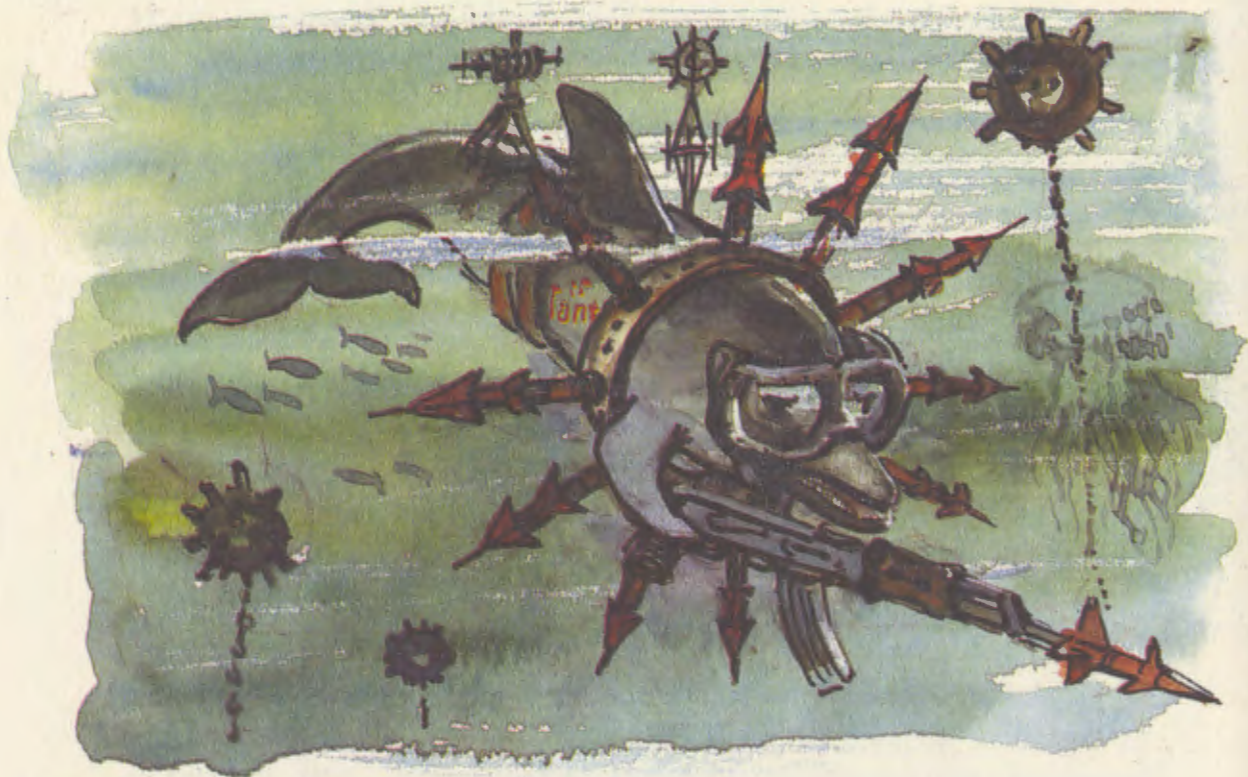
«Только бы они не поменяли синий луч на красный или какой-нибудь другой», — с тревогой думал Тристан.

Но все оказалось в порядке. Слегка бликанула в темноте его фосфоресцирующая жилетка, и он понял, что луч уже позади.

— Теперь строго на запад. Двести километров и все. Там нейтральные воды.

Напрасно бороздили воду в бухте катера. Напрасно посыпали море порошком гидропланы. Ушел Тристан.

Долго стучал кулаком по столу полковник Моржов.

Долго сдерживал слезы в ночи героический Стукач.

Только Павлова и Сидоров радовались и всю ночь улыбались кончиками клюва.

На исходе двухсотого километра Тристан услышал в небе рокот мотора. Звук был знакомый. Именно в этом самолете Тристана доставили в эту точку.

«Во, наши работают! — подумал Тристан. — Не успел я от русских вырваться, за мной уже самолет прислали».

Однако самолет не стал снижаться, чтобы подобрать Тристана. Наоборот, он выбросил какой-то продолговатый предмет весь в рогах и, не торопясь, направился к линии горизонта.

Как ни прыгал Тристан, как ни вставал на хвост, как ни кричал ультразвуковым криком, ничего не помогло.

«Ладно, посмотрим, что они мне сбросили».

И вдруг он услышал:

— Руки вверх!

Какое-то очкастое чудовище направляло на него кончик ракеты. И вдруг чудовище прыгнуло к Тристану и стало обниматься.

— Тристанчик, дорогой! Тристанище!

— Генри! Это ты?!!

Тристан рассказал Генри о своих приключениях. О Павловой, о синем луче, о самолетах, переходящих в подводную лодку, о сонном порошке, о своем первом и втором побеге.

— Что же нам теперь остается делать? — спросил Генри.

— Ничего. Мы отправляемся домой.

— Как домой? — закричал Генри. — В этом снаряжении?! Это же пять тонн!

— Снаряжение мы оставим здесь. Здесь получится небольшой склад. Следующие дельфины могут прилетать сюда уже налегке.

— Это идея, — согласился Генри. — А ну помоги мне отстегнуть эти проклятые ремни. Ага, спасибо. И нажми, пожалуйста, еще эту кнопку два раза.

— О'кей! — согласился Тристан.

На американский континент, к полковнику Еллоу, понесли два коротких радиосигнала: «Ту-ту-ту» и «З-з-з-з». Это означало:

«Полковнику Еллоу доложить срочно. В ближайшее время я возвращаюсь с задания. Прошу встретить самолетом в условленном месте. Обнимаю. Дельфин Генри».

БОЛЬШАЯ ОКЕАНСКАЯ ПОМОЙКА

Пожалуй, это началось в Бротердаме. Где-то в начале июня желающие и гуляющие могли видеть такую картину. В огромном порту у причала стоял не военный, но сильно военизированный корабль с мигающей желтой фарой наверху. Очевидно, он ожидал погрузки. Все было, как обычно, вот только вокруг, пожалуй, было чуть-чуть больше полицейских, чем всегда.

Под квакание полицейских сирен и сверкание фиолетовых ламп в ворота въехала огромная тревожно окрашенная спецмашина с таким же тревожно окрашенным прицепом.

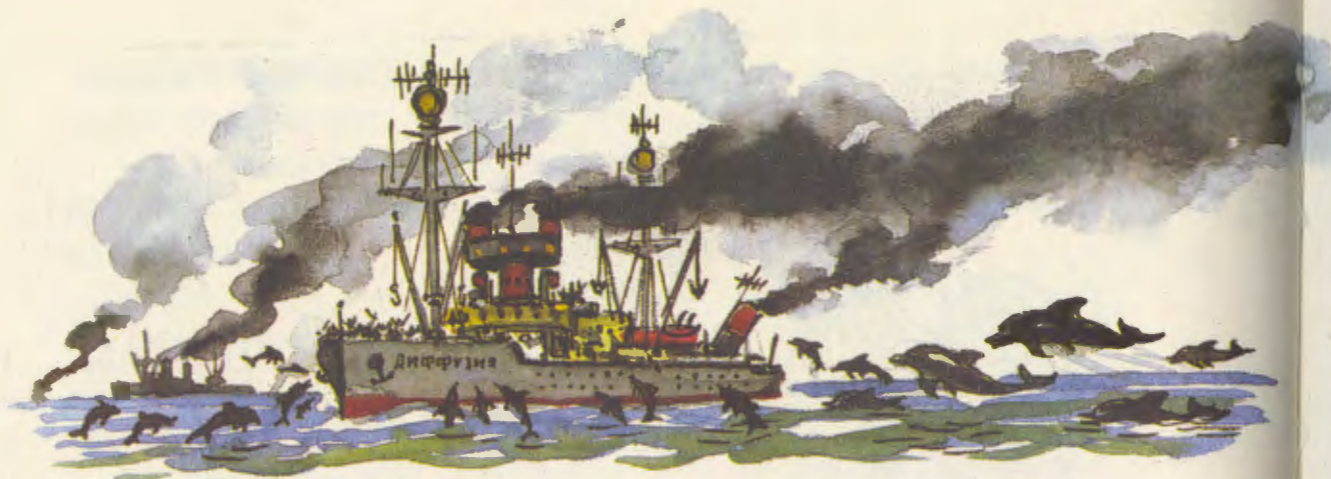
Водитель и сопровождающее лицо были в скафандрах. Очевидно, машина привезла что-то чрезвычайно радиоактивное.

В ускоренном темпе освинцованные контейнеры из автопоезда были перегружены подъемниками в трюм корабля. И корабль без всяких пауз отчалил.

— Ну что? Теперь в кассу за монетой и в ресторан к красоткам, — предложил синекомбинезонный экспедитор синекомбинезонному водителю грузовика.

— Какие красоти! — ответил изможденный водитель. — Мне дай бог сил до кассы дойти.

Долго после этого можно было видеть как по изогнутому

океанскому горизонту двигался этот корабль, а на верхней точке у него вращалась тревожная желтая фара.

Корабль шел в то особое место в океане, куда стягивались подобные суда для сбрасывания вредоносного груза.

В эту же самую пору в самой середине океана оказались Тристан и Генри. Видимо, неутомимый полковник Еллоу гнал их куда-то по своим бесконечным шпионским хлопотам.

— Видишь, — сказал Генри. — Опять везут эту радиоактивную дрянь. Будут сбрасывать в Коралловый Каньон. Скоро все море отравят.

— Это не наши заботы, — ответил Тристан. — Пусть свободные дельфины тревожатся.

— Я им сто раз говорил, что это смертельно опасно для океана, — объяснил Генри. — Они, как дети, ничего не понимают.

Но в этот раз обычно беспечные свободные дельфины что-то поняли и забеспокоились. Очень большая доза радиации оказалась на корабле.

Постепенно все большей и большей стаей они стали собираться вокруг опасного корабля.

Большой толстый дельфин Джон обратился к стае с речью:

— Смотрите! На днище этого корабля нет даже водорослей. Он какой-то заразный! Надо держаться от него подальше!

— Ни в коем случае! — возразила его последняя жена Анна-Мэри. — Не мы должны держаться от него подальше, это он должен держаться от нас подальше. Мы должны выгнать его из наших вод.

— Ишь разъездились! Ишь превратили море в помойку! — кричали другие женщины-дельфинихи.

— Не из наших вод, а вообще выгнать из океана!

Только это легче сказать, чем сделать.

— Немедленно вызываем Новозеландского Тома.

— Верно! Скорее зовем Новозеландского Тома.

Новозеландским Томом был огромный кашалот-драчун, как-то раз вдребезги разбивший браконьерское китоловное судно.

Все сильнее и сильнее росло недовольство дельфинов, и все больше увеличивалась их активность.

В конце концов капитан судна обратил внимание на то, что стая дельфинов, сопровождающая корабль, не просто его сопровождает, а изо всех сил пытается загородить дорогу.

Дельфины вставали на хвосты стенкой перед кораблем, как футболисты на поле во время штрафного удара. Пели хором песни протеста, размахивали плавниками и всячески пытались обратить на себя внимание.

Сначала капитан делал вид, что не понимает, в чем причина. Но активность дельфинов увеличивалась и не замечать ее становилось невозможным. Это было бы дурным тоном.

Капитан связался по радио с владельцем фирмы по уничтожению радиоактивных отходов.

— Господин Крюшон, здесь собрались тысячи дельфинов.

— Я просто счастлив. Что вы от меня хотите?

— Они не дают нам пути в океане. Они ставят на дороге сети. Мистер Крюшон, как быть?

Мистер Крюшон думал не больше сотой доли секунды.

— А никак. Топить отходы в Коралловом Каньоне, как было договорено, или топиться самому.

Капитан понял намек и его рейс продолжался.

Светит солнце в небе.

Летают летающие рыбы.

Плещут волны.

Корабль прет на дельфинов, как теща на буфет.

Только дельфины не дурачки. Толстый Джон и группа других дельфиновых товарищей буквально из-под носа японского рыболовного сейнера вытащили длинную сеть со стеклянными поплавками и разбросали ее на пути радиоактивного судна.

Один раз намотал сеть на винт корабль, другой раз намотал... Больше не хочется.

— Что будем делать, капитан? Будем опять травить?

— Послушай Бромберг, ты штурман или сумасшедший? — кричит капитан. — Мы уже намотали на винты пару километров этой дряни. Я по-другому придумал. Эй, кто там? Свистать всех наверх! Полный назад!

Дельфины счастливы, корабль отступает.

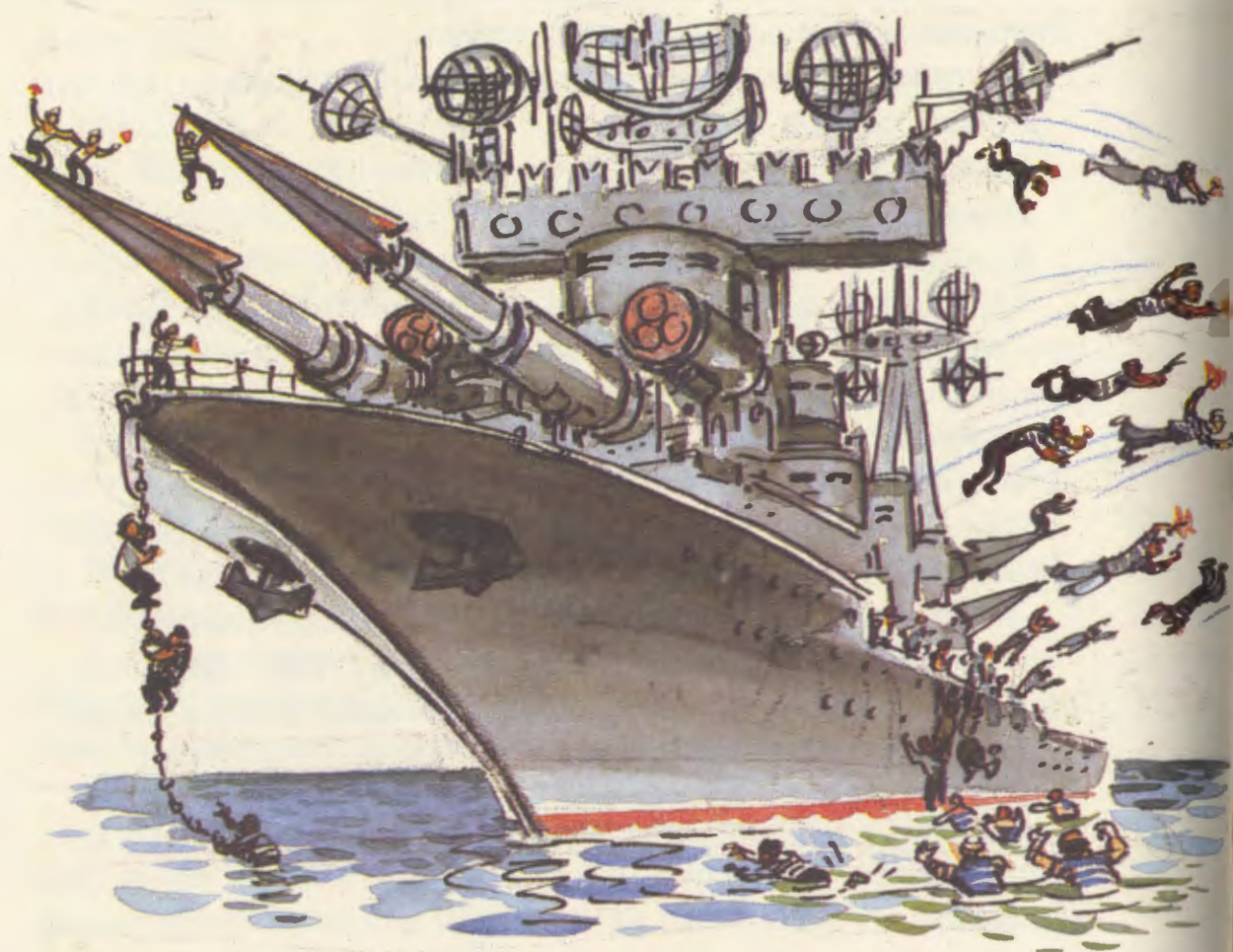
Вдали от сети с поплавками кипит работа. Корабль, оторвавшись от противников, решил поменять внешность и название. Теперь это уже не грузовое судно «Диффузия», везущее помойку, а веселый, весь в лампочках и в музыке, туристический развлекательный лайнер «Королева Мэри».

И не матросы хозяйствуют на нем, а красивые девушки — кабарешные красотки. Не беда, что некоторые из них коротконоги и кривоваты, не беда, что кое-кто с бородой и усами... Все они поют и танцуют.

А капитан поет:

Матросы, матросы, матросы корабля,

Вы созданы лишь для дисциплины...

Дельфины просто не могли не пропустить сквозь свои сети такое веселое судно.

— Открывай, — командует Толстый Джон.

Трое молодых дельфинов, уцепившись клювами, притопили большой участок сети и корабль торжественно прошел над заграждением.

Так, наверное, он бы и ушел, если бы рядом не оказался военный корабль неизвестной военной державы. Военные моряки, увидев такое количество красоток, просто с ума посходили от радости и взяли да и попрыгали со своего линкора или там крейсера на туристическое судно, якобы

для проверки документов. (Тем более счетчики при сближении с туристическим судном щелкали как сумасшедшие, словно там не красоток везут, а ядерные ракеты.)

Но с такою же скоростью все матросы как один попрыгали обратно. Это напоминало обратный запуск киноплёнки при увеличенной скорости. Потому что военные очень быстро разобрались в «красотках», которые «созданы лишь для дисциплины».

Разобрались в этом и дельфины. Они вернули сеть на прежнее место — как раз поперек курса корабля.

Смолкла музыка и капитан снова связался с боссом.

— Мистер Крюшон, мы не можем идти дальше. Они все время ставят сети на пути корабля.

— Хорошо, — сказал раздраженный правительственно-бизнесменовский начальник, — ждите поддержки.

И вот над океаном летят вертолеты. Черной вороньей стаей они подлетели к «Диффузии» и начали бомбить территорию вокруг корабля.

Дельфины начали переворачиваться брюхом вверх и беспомощно как пьяные стали болтаться вокруг корабля с ядерным мусором.

В ответ на это включилось дельфинье радио. Вольные дельфины обратились за помощью к военным. Пошел ультразвуковой сигнал над океаном от дельфина к дельфину, от одной дельфиньей семьи к другой.

Забеспокоились на своих базах Тристан, Генри и Павлова.

Тристан и Генри как более свободные военнослужащие в полном вооружении и в противогазах уже через час полетели на помощь к вольным братьям. А Павлова только в конце дня сумела записаться на прием к своему руководителю Моржову для беседы.

— Так ты хочешь помочь, дочка?

— Конечно.

— А ты уверена, что это заразное судно не американское?

— Абсолютно уверена.

— И не английское?

— Не английское.

— И не французское?

— Не французское.

— И не испанское?

— Не испанское.

— Тогда давай.

Теперь уже Павлова в легком боевом костюме летит с волны на волну в сторону радиоактивного корабля.

Очень быстро начались ответные действия. Вертолеты сбрасывали бомбы, а Генри, нацелив плавающую платформу — Тристана, легкими управляемыми ракетами превращал эти бомбы в пыль и туман.

Тристан держал на своей спине прицельную ракетную установку не хуже мощной гироскопической платформы. Море вокруг него так и ходило ходуном, а верх его спины даже ни разу не шелохнулся.

— Смотрите, — сказал старший вертолетчик своим подчиненным. — Наши бомбы не долетают. Все в дым! Надо сматываться.

— Почему?

— Потому что мы тоже не долетим. Если они захотят.

Взволнованные вертолетчики подумали-подумали, пожужжали и стрекозиной стаей, не торопясь, полетели в сторону солнца. (Чтобы в них труднее было прицеливаться.)

— Капитан! — заволновались «девушки»-матросы на корабле. — Нам тоже надо уходить!

— Куда? — спросил капитан.

— Обратно в порт.

— Так нас там и ждут. Сидите и думайте.

В военных действиях наступила пауза. В обоих лагерях начались совещания.

— Капитан, может, нам сбросить груз здесь и уйти?

— Послушай, Бромберг, ты кто — штурман или сумасшедший? У тебя совесть есть? Нас же засекут. Будет международный скандал. Чего там скандал — СКАНДАЛИЩЕ!!!

— А у тебя, капитан, совесть есть? Мы же все время глотаем рентгены. Вон уже боцман светиться начинает.

И точно, по палубе прошел боцман, слабосветящийся,

как неоновая реклама в Москве. Разговор замолк. Все стали думать.

У дельфинов разговор был в разгаре.

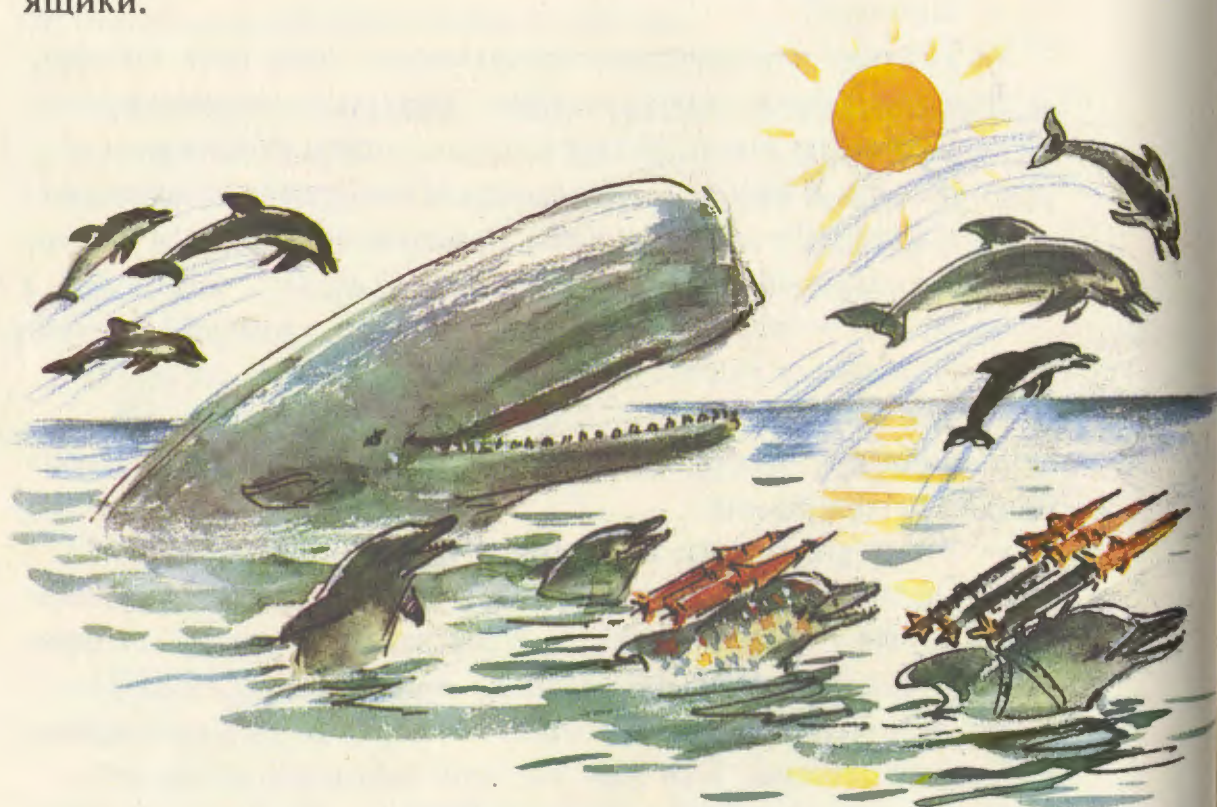
— Павлова, Павлова, может, вдарить по ним из двух стволов и все, — предложил Тристан. — Нет корабля, нет проблемы.

— Ты что, Тристан, совсем? — удивился Генри. — Это будет только начало проблемы. Отходы же под воду уйдут. Мы именно этого и не хотим.

— Дело не в отходах, а в людях! — сказала Павлова. — Если мы потопим корабль, начнется война между людьми и дельфинами.

— По-моему, она уже давно началась, — мрачно сказал Тристан. — Только медленная.

— Смотрите, смотрите! — закричал тем временем на все море Толстый Джон. — Они сбрасывают в воду какие-то ящики.

Корабль слегка светился в темноте, и видно было, как матросы с большим трудом кантуют по палубе предметы, похожие на оцинкованные холодильники.

— Это преступление! — закричал Генри. — Здесь же Гольфстрим. Он разнесет заразу по всему океану.

— Ну что, Павлова, вдарить по ним?

— Ни в коем случае, — возразила Павлова.

— А что будем делать? — спросил Толстый Джон.

— Во-первых, надо задержать корабль на месте. Чтобы они не разбрасывали ящики в разных местах. Можете вы это? — спросила Павлова.

— Запросто, — от имени вольных дельфинов ответила Анна-Мэри. — Мы сейчас намотаем им на винт полкилометра сетей. А дальше что?

— Дальше звать кашалотов.

— Зовите кашалотов! Зовите кашалотов! — понеслось по дельфиньим рядам.

— Зовите Новозеландского Тома!

Пришло утро. Заспанное солнце с трудом вылезло на небо и осветило прежнюю картину. Корабль стоял там, где его остановили. Команда попусту пыталась сдвинуться с места. Едва морякам удавалось отмотать некоторое количество сети и запустить мотор, дельфины немедленно подводили новую часть сети. А когда капитан вынес снайперскую винтовку, чтобы выстрелить по дельфинам, работающим с сетью, по его винтовке выстрелил Генри. Винтовку вывернуло из рук капитана и искореженная она юркнула в воду.

— Что делать? — спросил капитан по рации у своего работодателя. — Это уже не шутки. Они стреляют ракетами.

— Капитан, вы пьяны!

— Да ни капли. Спросите у ваших летчиков — почему все вертолеты ушли?

— Почему же они ушли?

— Потому что ни одна бомба не долетела. Потому что

их сшибали ракетами. Это дрессированные дельфины. За ними кто-то стоит. Что вы посоветуете делать?

— Сами, сами выкручивайтесь! — ответил грозный мистер Крюшон. — Вам на месте виднее.

Тем временем прибыли кашалоты. Их было пятеро, все они отличались друг от друга возрастом, цветом и размером. Павлова объяснила им:

— Там, на дне, ящики с ядовитыми отходами. Их надо снова забросить на корабль. Кто возьмется?

— Все возьмемся.

— От этих ящиков можно заболеть.

— Тогда я возьмусь! — сказал старый кашалот, тот самый знаменитый Новозеландский Том. Он был почти белый, наверное, очень седой. — Я и без того болен.

Он молча ушел под воду, чтобы пронырнуть через толщу воды к контейнерам. Очевидно, это у него получилось не сразу. Потому что он долго не появлялся. Но вот, к большому удивлению «мусоровозной» команды, из пучины моря вывалилась огромная сигарообразная туша и, зависнув над палубой, выложила на нее первый оцинкованный ящик.

Через несколько секунд операция повторилась. Сначала была туча брызг, потом появилась туша, потом выложился очередной ящик.

Новозеландский Том в десять минут повторил в обратном порядке всю двухсменную ночную работу браконьеров-моряков. И ушел. Очевидно, умирать.

В ужасе от контейнеров разбежались моряки и повисли на снастях корабля с разных сторон.

Тогда в дело вступил Генри. Откуда-то на нем возник преобразователь речи, и он громким голосом сказал:

— Предлагаю команде покинуть опасное судно. Жизнь и безопасность гарантируем.

Как это ни странно, команду уговаривать не пришлось.

В момент матросы погрузились в лодки, надувные плоты и прочие спасательные средства и выкатились в море.

Последним на последнюю шлюпку вступил капитан. В руках он нес папку с документами.

Дальше долго-долго можно было видеть, как, сопровождаемые дельфинами, все эти плавсредства медленно двигались в сторону ближайшего острова.

А само судно, буксируемое двумя кашалотами, с большой скоростью плыло в порт приписки.

И вот в точно такое же утро, какое было в день выхода, корабль торжественно вошел в гавань.

Черная машина, дважды длинная машина, медленно двигалась ему навстречу.

По трапу навстречу друг другу шли два человека: капитан судна, он тоже стал белым, как Новозеландский Том, и глава фирмы по уничтожению отходов — сам мистер Крюшон.

Руководитель фирмы подошел к капитану и торжественно дал ему перчаткой по морде.

— Видишь, Тристан, — сказал наблюдавший эту сцену Генри, — я бы никогда не смог тебя ударить. Нам еще расти и расти до людей.

НАДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА

В самой середине Атлантического океана маленький пароходик с трудом тащил огромную сверкающую ледяную глыбу.

Кораблик был размером с клопа, а льдину он тащил огромную, пожалуй, в несколько небоскребов.

Солнце пекло со страшной силой — никакой тебе тени. И глыба давно бы растаяла, если бы не была столь кристально белоснежной. Все солнечные лучи отлетали от нее, не причинив никакого вреда. И только еще больше увеличивали жару вокруг, ослепляя рыб и команду.

Корабль проходил экватор.

Команда сражалась с Нептуном на палубе. Нептун с помощниками запихивал в бочку с водой всех новичков. Новичком считался тот, кто проходил экватор меньше пяти раз.

Но веселье было какое-то захудалое. И Нептун был какой-тодохлый. И матросы веселились как-то заунывно, несмотря на то, что во все стороны от корабля так и летели музыкальные шедевры в исполнении самых популярных групп.

На фоне веселья команды происходил такой разговор капитана корабля с замполитом.

— Капитан, мы уже третий месяц в плавании. Команда на пределе. Людей буквально тошнит от волн.

— Что вы предлагаете?

— На первом же попутном судне отправить всех, кроме дежурных, в Лабакаму. Пусть люди отдохнут, развлекутся. Кино, магазинчики, сувениры.

— А разлагающее буржуазное влияние? А публичные дома, а прекрасные курортные отели? Половина команды может убежать.

— Капитан, там нет никаких публичных домов, никаких отелей. Там давно уже строят социализм. Только кино и зоопарк.

— Социализм? Это в корне меняет дело. Тогда я «за». Давайте радиogramму, вызывайте катер из порта. А тем, кто останется, выдайте ящик коньяка.

— Этого бы не надо бы, капитан.

— Вот это как раз и надо. Для оставшихся.

Все больше подтаивает верхняя часть айсберга, и все яснее становится видно (при взгляде с самолета), что на самом деле вверху его находится какой-то непривычный, нестандартный темный предмет. То ли скрюченная огромная птица, то ли мощное космического вида летающее устройство. Изредка это неизвестное создание производило что-то вроде судорог. И тогда слабо хрустел подтаявший лед и пробегали по нему длинные трещины. Во всем остальном вокруг было разлито патологическое и очень жаркое спокойствие.

Тем временем в другой части Атлантического океана было не так спокойно.

Из сообщений агентства «Новости»:

«В Амбразурском заливе по-прежнему продолжают нападения террористов на нефтеналивные танкеры. Пока быстросходные торпедные катера нападали только на танкеры малых стран. Но вот в путь вышли два танкера двух стран-гигантов — России и США.

Сумеют ли сверхдержавы постоять за себя, и рискнут ли монашеские террористы напасть на суда России и Америки?»

— Рискнут, рискнут! — сказал сам себе на это сообщение прокопченный монашеский террорист. Он смотрел эти известия по телевизору на своем до зубов вооруженном катере. Когда-то он окончил московскую диверсионно-партийную школу и поэтому отлично понимал русский язык.

— Команда, к бою! — отдал он суровый приказ. — Торпедные аппараты расчехлить!

— Наверно, они рискнут! — сказал сам себе капитан российского танкера, не отрываясь от портативного российского телевизора метр двадцать на метр пятьдесят. — Павлову на выход! С сопровождающим!

В танкере открылась небольшая дверь на уровне моря, и наружу прыжком вылетела знакомая нам дельфиниха. В легкой боевой экипировке. Она осмотрелась и изучила обстановку. Вслед за Павловой вылетел другой дельфин — Сидоров. Он, в отличие от Павловой, был вооружен, как трое десантников из кино. Это был просто плавающий набор пушек, ракет и пулеметов. Самому ему стрелять было трудновато, но Павлова могла использовать его как свободно плавающую оружейную платформу.

Похожая картина произошла около американского танкера. С той лишь разницей, что Генри и Тристана сбросили в океан с вертолета.

Началась атака террористов на танкеры супердержав. Из берегового тумана вылетело два торпедных катера и они с жутким воем и грохотом устремились вперед на корабли.

Приблизившись к советскому танкеру «Никита Гущин», первый катер выбросил торпеду и остановился, чтобы подождать результата.

Торпеда стремительно неслась к кораблю. Параллельным

курсом, постепенно сближаясь с торпедой, почти над водой летела Павлова. Вот она прижалась к торпедой и медленно-медленно стала заворачивать ее. Все больше, и больше, и больше. Вместе с торпедой они рисовали эллипс на гребешках морских волн. В результате торпеда совершила сто-процентный поворот курса.

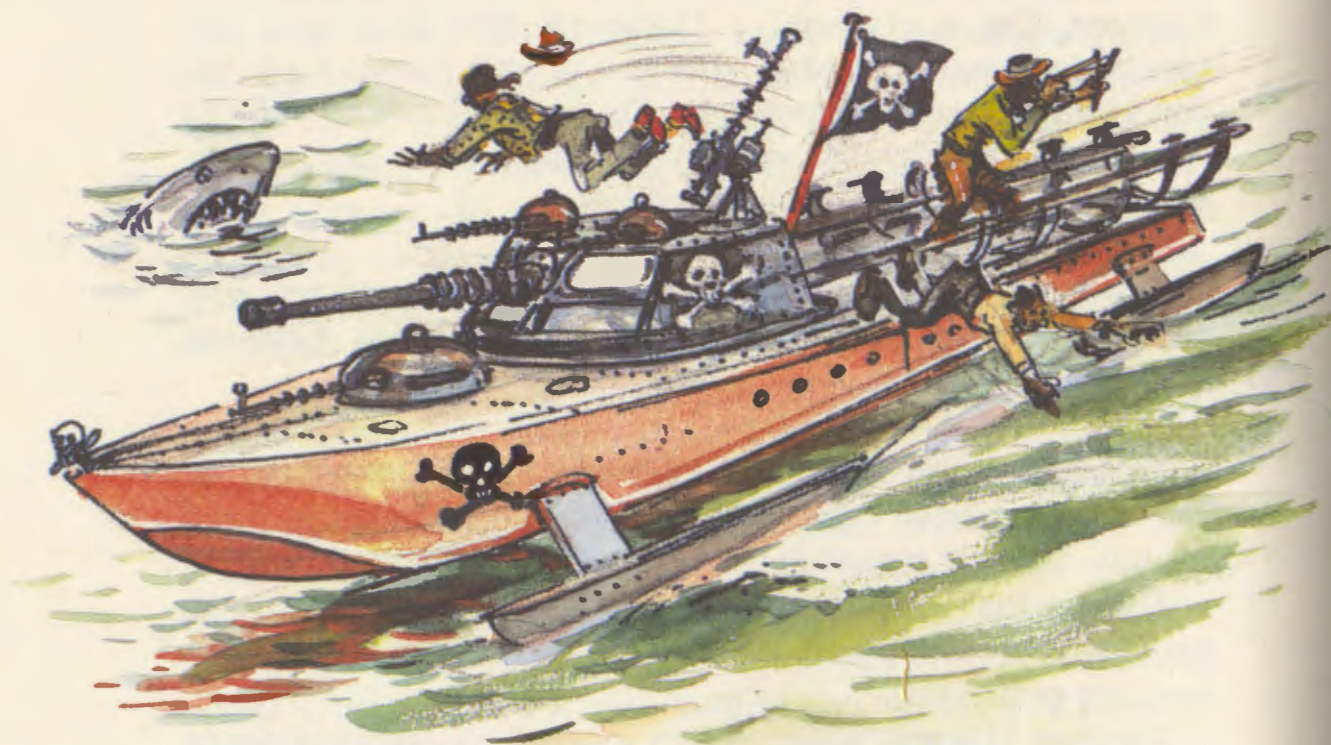
И вот уже торпеда мчится в обратную сторону.

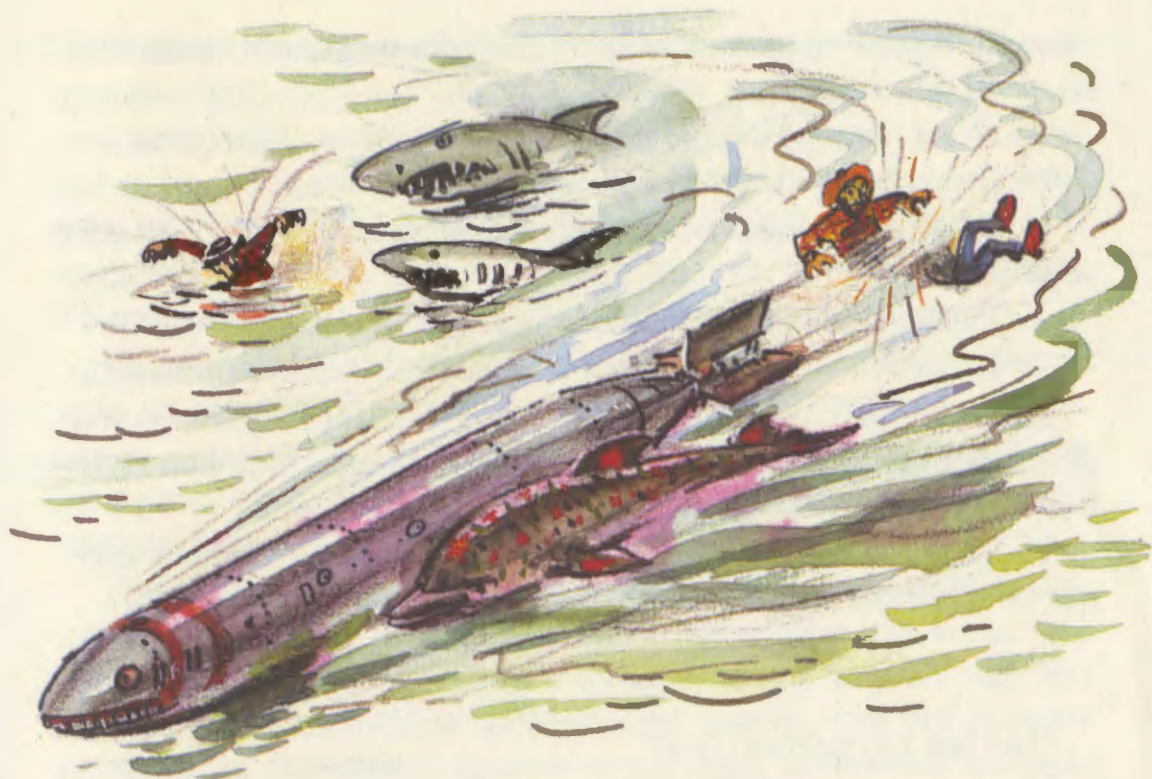
Бедный катер, поняв, что его собственный выстрел направлен на него самого, в ужасе стремительно помчался в туман, надеясь скрыться.

Он скрылся. Торпеда тоже скрылась.

Через некоторое время из тумана долетел звук мощнейшего взрыва, и очень долго с неба в низкий туман сыпались разные металлические предметы.

Похожая картина произошла около американского судна.

С той лишь разницей, что не успел еще нападающий катер выпустить торпеду, как Генри, нацелив плавающую платформу — Тристана, сам сделал выстрел. (Пожалуй, Генри в бою соображал быстрее всех, даже быстрее Павловой.)

Стало тихо и спокойно вокруг. Павлова и Сидоров, покачивавшись вдоволь на волнах, направились к своим танкерам, чтобы уйти в корабельные отсеки.

К ним подлетели Генри и Тристан.

— Привет! — сказали они. — У нас новости.

— Какие?

— Плохие. Бросай свой плавающий бензобак и плывем с нами.

— Да что случилось?

— Свободные дельфины передали — в океане ЧП. Какая-то опасность для людей.

— А как быть с охраной танкеров? — спросила Павлова.

— Чего тут охранять? Один твой плавающий бульдозер со всем справится, — сказал Тристан.

— Я не бульдозер, — обиделся напарник Павловой. — Я — Сидоров.

— Один твой плавающий Сидоров разнесет все эти катера в щепки.

— Разнесешь? — спрашивает он у Сидорова.

— Разнесу! — соглашается бульдозер. — Не привыкать.

Настоящий подводный берет! Про таких говорят — сила есть, ума не надо. Может быть даже, эта надпись вытатуирована у него на шкуре на самом видном месте.

И Павлова с Генри и Тристаном на полной боевой скорости отправилась в самоволку куда-то в центр океана.

Что же случилось там?

Ничего хорошего. Плыл-плыл кубический километр льда под жаркими лучами солнца и постепенно таяла его верхушка. И все больше и больше возникало из-под льда какое-то неведомое в теперешней жизни живое существо. Было оно то ли из минувших, то ли из будущих веков.

Было оно при крыльях, могучих когтях и челюстях. Оно проснулось, это существо, согрелось, взмахнуло крыльями, заворочалось-заворочалось и полетело. Сначала неуверенно, как корова на льду, потом все уверенней и уверенней.

Оно с трудом село на корму корабля, могучими лапами сломало все радары и антенны и стало ловить клювом и глотать человечков-матросиков.

Побежали матросики в разные стороны, кто к лодкам, кто просто в океан. Несколько человек забились в штурманскую рубку.

Летающий ящер схватил рубку когтями, поднял ввысь и бросил на палубу корабля, как орлы бросают черепах на скалы. И начал оттуда людей выклевывать.

И вот эта страшная картина предстала глазам нашей дельфиньей троицы.

Как только они подплыли поближе, страшная птица решила полакомиться ими самими. Немедленно она спланировала вниз и схватила лапами зазевавшегося Тристана. С трудом она стала подниматься в воздух, чтобы растерзать Тристана или на корабле, или на вершине айсберга.

Когда она пролетала рядом с Павловой, Павлова вылетела из воды и клювом схватилась за хвост Тристана. Лететь стало труднее. А уж когда мелковатый Генри проделал тот же трюк, страшная птица надорвалась и со всего размаха плюхнулась в воду, просто ударилась о нее.

Пока дельфины осматривались и приходили в себя, диковинное живое создание, колотя крыльями по воде, добралось до корабля. Птица подняла голову высоко над водой, зацепилась зубами за верхнюю палубу, как это делают попугаи, и, скрежеща лапами и когтями, выбралась наверх. Здесь она начала сушиться.

— Что будем делать? — спросил Тристан.

Ему не ответили.

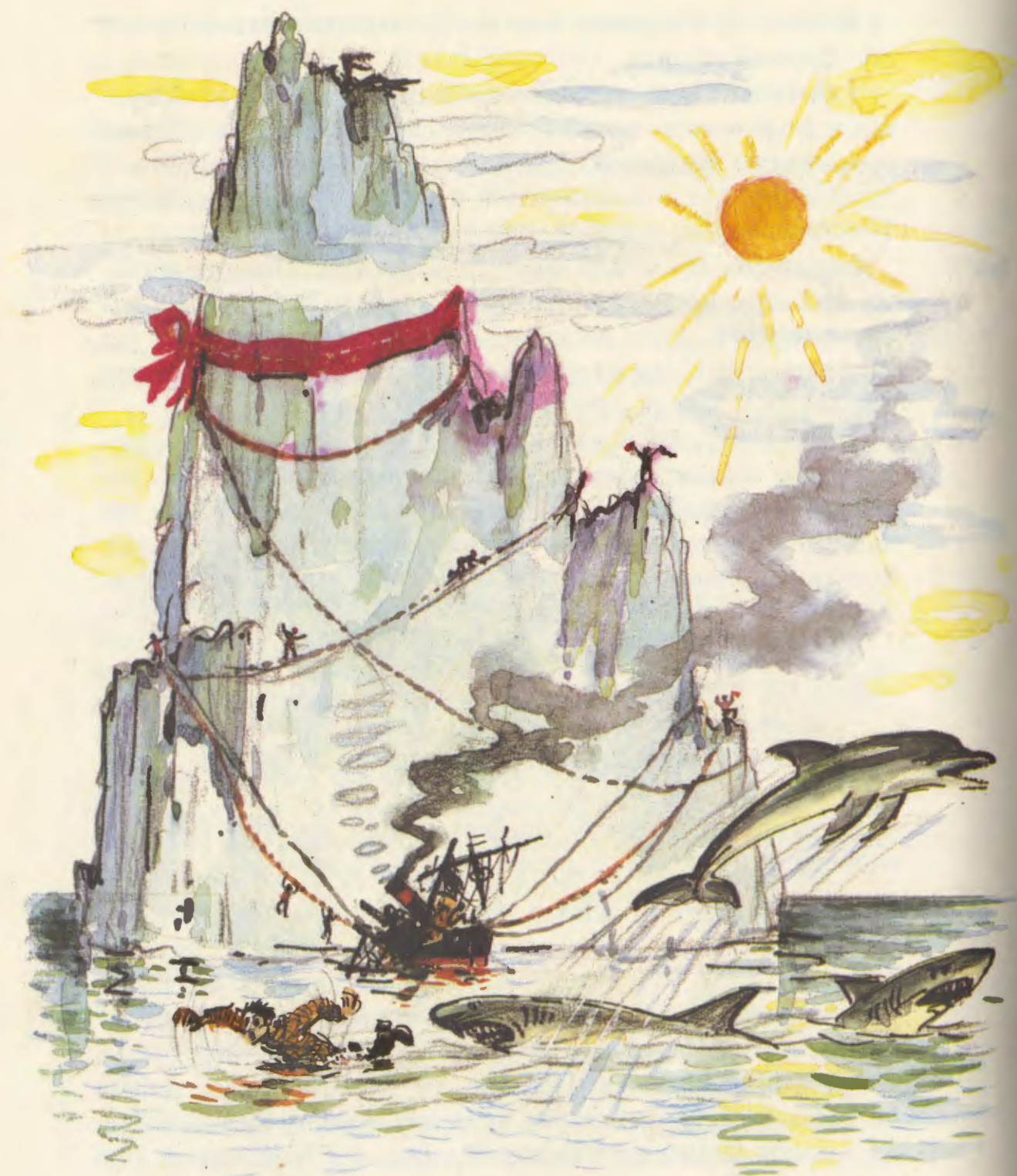
— У меня такое ощущение, что там их тьма-тьмущая! — показал на айсберг Генри. — Они там сложены как мороженая треска.

И точно, на вершине айсберга стало заметно какое-то очередное шевеление. Очень и очень тревожное и неприятное.

Тем временем в кабинете у Моржова разразилась паника. От капитана «Никиты Гущина» поступила радиограмма:

«Дельфинообразная Павлова не вернулась на судно. Скрылась в море в полном вооружении в сопровождении двух вооруженных дельфинов. Прошу дать указания».

Самому Моржову кто-нибудь бы дал указания. Перед

ним во всю силу и мощь встал вопрос: побег или похищение?

И в самом деле, поди угадай — то ли она сбежала и попросит политического убежища. (Тогда она преступница и изменница.) То ли ее похитили два вооруженных дельфина. (Тогда она героиня и патриотка.)

Героиня или перебежчица?

Преступница или жертва?

Какие принимать меры?

Эти вопросы все выше и выше поднимались по служебной военно-морской лестнице. И в конце концов они поднялись на самый высокий, уже не военный, а политический уровень. О чем стало известно из сообщений агентства «Новости»:

«СЕГОДНЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Среди других вопросов разбирался вопрос об инциденте в Амбразурском заливе в связи с непонятным исчезновением одного военнообязанного полугражданского лица. Дано указание принять меры».

Моржов, так и не получивший от начальства прямых и конкретных приказов, долго читал и вертел эту газету.

Дано указание принять меры. А какие меры?

Заместитель Моржова подполковник Стукач подсказал:

— Да очень простые. Если она сбежала, ее надо задержать. Если ее похитили, ее все равно следует задержать.

Моржов нажал кнопку селектора:

— Поисковый самолет на выход.

На наших глазах на огромных гидравлических маслянистых столбах немедленно ушла вверх одна из совершенно диких скал, и из образовавшегося прохода выплыл весь сверкающий хромированный скоростной катер-самолет. Чудо современной техники на подводных крыльях, переходящих в надводные! Может быть, даже с вертикальным взлетом.

Катер мгновенно оказался у бетонного мола, просто подпрыгнул к нему. Неуклюжий, но по-морскому цепкий Моржов забрался в кабину по шаткому трапику, и, вспарывая водную гладь, катер устремился в небо.

Поисковый катер с полковником, капитаном и пятью матросами мчался низко над морем, глотая километры пространства.

Он быстро проглотил Черное, потом Мраморное моря, потом Эгейское, потом Ионическое, потом Средиземное, потом Гибралтар.

Пользуясь тем, что к хвостовому плавнику Павловой металлическим поводком был прикреплен радиомаячок, Моржов с командой легко обнаружили месторасположение беглецов.

Тут их взору предстала уму непо-

стижимая картина: разгромленный неуправляемый буксир, привязанный к айсбергу, остатки спасательных шлюпок и спасательные круги.

— Кто-то здесь здорово похозяйничал! — сказал полковник Моржов матросу-рулевому. — Как ты думаешь, зачем они привязали буксир к айсбергу?

— Чтобы его в море не унесло.

В это время Павлова заметила хромированный катер.

— Наши пришли, — радостно сообщила она напарникам. — Пошли к ним.

— О'кей!

Как только троица приблизилась к катеру, с него спустился сетчатый подъемник и подхватил Павлову.

Обрадованный Моржов по рации немедленно начал докладывать:

— Дельфинообразная Павлова обнаружена и задержана. Вместе с ней обнаружен неуправляемый буксир, привязанный к айсбергу. Повторяю...

Очевидно, Тристан и Генри уловили сигналы азбуки Морзе или просто услышали его речь, потому что они рассердились и заволновались:

— Эй ты, лохматый! — закричали из воды дельфины. — Она не задержана, она сама пришла!

— А вас не спрашивают, гуси иностранные! — закричал, высунувшись из рубки, Моржов и дальше затрещал в передатчик: — Приступаю к допросу.

А вот как выглядел этот самый допрос. В ванне с морской водой перед Моржовым — Павлова. Несмотря на ясный день, на нее направлен яркий свет настольной лампы. Моржов без устали задавал одни и те же вопросы, заглядывая в какую-то инструкцию.

— С каким заданием шли? Кем были завербованы? В какой валюте получаете плату? Назовите явки, связи, пароли.

Павлова спокойно отвечала:

— Видите разгромленный корабль. Его разломала птица. Мы хотели помочь этому кораблю.

— Какая такая птица? — возмущался Моржов. — Где это вы видели таких птиц? Вы мне голову не морочьте. Придумайте какую-нибудь другую легенду. Поумнее.

И вдруг над палубой сверкающего катера зависла страшная тень, и «легендарная» птица, ухватив когтями матросарулевого, тяжело полетела вверх. Впервые стал виден полный размах ее крыльев и можно было заметить на каждом крыле какой-то знак, отдаленно напоминающий свастику или какой-то другой государственный символ. То есть становилось ясно, что птица — не совсем биологическое создание, а нечто иное. Какое-то явно несовременное существо, может быть, чуть-чуть механизированное, может быть, как-то по-особому генетически сконструированное.

Чудовищной птице тяжело было нести человека, но она упрямо поднималась все выше и выше, очевидно, желая поднять жертву на вершину айсберга.

И тут произошло неожиданное. Когда птица пролетала над разломанным кораблем, над буксиром, из-под порушенных частей палубы выскочил человек и выстрелил в нее из ракетницы. Одна ракета, вторая...

Испуганная птица забила крыльями и выронила человека вниз. Налегке она быстро поднялась ввысь и села на край айсберга. Вокруг упавшего матроса сразу покраснела вода.

— Акулы! — закричали сверху моряки.

— Отобьемся! — успокоил их Тристан.

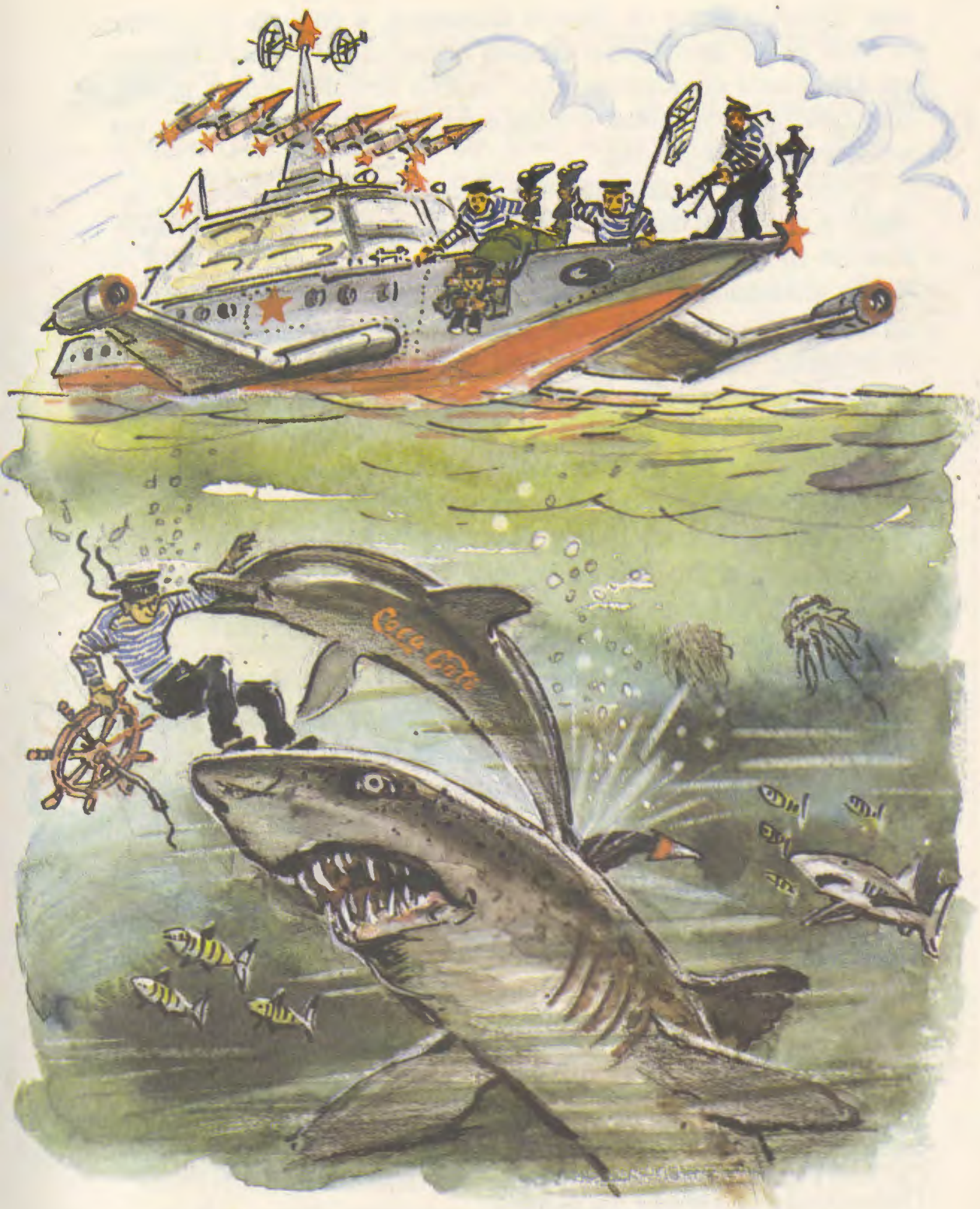
— Отбейте его, — просили с катера матросы.

— Попробуем, — отвечал Генри.

Дальше произошла короткая схватка с акулами. Обычно дельфины легко отбиваются от акул. Они знают определенные нервные узлы у своих страшных противников. После удара в это место акула на какое-то время парализуется и не может дышать.

Но сейчас Тристану и Генри было сложнее, потому что

они должны были не просто спастись, а спасти человека. В этой драке дельфинам сильно помогало то, что на концы их хвостовых плавников были надеты металлические шипы. Каждый удар хвостом оглушал акулу и выводил из строя не меньше чем на час.

С большим трудом дельфины подтащили рулевого к катеру, и матросы быстро втащили его сетчатым подъемником на палубу и повели к врачу.

Но военные есть военные. Чувство благодарности у них притуплено, а чувство ответственности повышено.

— Итак, — сказал Моржов Павловой, — продолжим. На чем мы остановились? С каким заданием шли? В какой валюте получали плату?

— В испанских сардинах, — сказала Павлова.

— Отставить шутки! — рявкнул Моржов.

— Дурак! — сказала ему Павлова.

В ответ на это он развернул корабль и взял курс на родной Севастополь, военную базу. Там много начальства, там легче во всем разобраться.

— Отобьем? — спросил Тристан у Генри, показывая на удаляющееся судно.

— Мы здесь нужнее, — ответил Генри.

— Почему?

— Смотри.

Он показал, как на вершине айсберга начала чуть-чуть шевелиться и бить крыльями другая птица.

— Этот паноптикум начинает разворачиваться, — понял Тристан. — Ничего себе плавучий мавзолей!

— Смотри! — радостно завопил Генри. — Наши пришли!

Прибыл американский корабль с полковником Еллоу на борту. Он опирался животом (пузом) на поручень и внимательно рассматривал море в бинокль.

— Ага, сынки, вы здесь! — радостно закричал он. — Поднимайтесь скорее на борт.

Сынки, торопясь и толкаясь, забрались в подъемник его корабля и въехали на палубу.

— Шеф, — сказали они. — В этом айсберге заморожены птицы. Они очень опасные. Они могут есть людей.

— Вот и хорошо! — ответил шеф. — Вы об этом расскажете начальству. А то они думают, что жизнь в командировке сахар.

— Какому начальству? — закричал Генри. — Надо здесь помочь людям.

— Вот вернемся на базу, получим приказ, — успокоил его Еллоу, — и вернемся помогать.

— А сейчас?

— А сейчас у меня другой приказ. Доставить вас на базу. Корабль развернулся и взял курс на ШСА.

Вновь ожившая птица слетела с края айсберга и стала кружить над брошенным буксиром. Опять выскочил человечек с ракетницей, выстрелил в нее, и птица вдруг загорелась у него на глазах, будто она была сделана из магния, затрепыхалась, рассеивая вокруг себя искры и дым, и упала в океан. Только пар и шипение побежали по волнам.

Как раз в это время появились лабакамские катера с вернувшейся командой на борту.

Команда на шлюпках направилась на свой буксир. Первыми на борт поднялись капитан и замполит. Оба они были с просветленными лицами после посещения зоопарка и музея деревянной скульптуры.

Они с изумлением посмотрели вокруг. Все было переломано.

— Да! — сказал замполит. — Я же говорил вам: не надо им давать коньяк.

Тут из-под обломков появился человечек с ракетницей.

— Что здесь произошло? — спросил капитан.

— Нападение. С ледника слетают страшные птицы. Они едят людей.

— И где они сейчас?

— Сгорели. Я их сбивал из ракетниц.

— Все ясно, — говорит замполит. — Белая горячка. Вот что значит три месяца в море без отпуска. Врача сюда, скорее.

И вот уже снова запыхтел по океану маленький буксир, делая свою морскую работу. На палубе, приведенной в порядок, матросы красят трубу.

Мчится в сторону Севастополя никелированный катер.

Приближается к Америке судно под командованием полковника Еллоу.

А на буксире, который тащил айсберг, происходил такой разговор капитана с заместителем:

— Черт возьми, может, это бред? Может, он говорит правду. Может, нам следует осмотреть айсберг? Может, в этом айсберге и в самом деле что-нибудь не так? — говорил заместитель.

— Эту воду давно уже ждут в Ялте, — отвечал капитан. — Если в этом айсберге что-нибудь не так, нам еще полгода торчать в океане. Идем мы себе и идем, и нечего лодку раскачивать.

В Ялте уже много лет не хватало воды. Ее включали в домах на короткое время, чтобы люди успевали почистить зубы, умыться и забежать в туалет. Кто не успевал, должен был умываться в море. Поэтому вы представляете, какой праздник был в городе, когда в порт вошел маленький бук-

сирчик и вволок огромный, сверкающий в утренних лучах солнца ледяной утес.

Между прочим, входил буксирчик медленно, почти целый день. И целый день город ликовал. На берегу играл оркестр и проводились митинги. Между ног бегали мелкие дети с воздушными шариками. На шариках был нарисован айсберг с буксирчиком.

К вечеру среди толпы осторожно проехала машина «скорой помощи». Кажется, это повезли человечка, который стрелял из ракетницы.

Но постепенно все привыкли к новой ситуации. На айсберг все меньше обращали внимания. Все меньше было восторгов, все тише играла музыка. На фоне ночного звездного неба все ярче проступал обрисованный звездами Ай-Петри. Город постепенно погружался в темноту. Сиял только освещенный прожекторами ледяной погреб.

И вот на фоне этой благодати вдруг послышалось мощное «крак», и по всей задней неосвещенной стороне айсберга пробежала трещина. Точно от ледокола. Затем вторая. Затем третья. В эту щель можно было видеть лапы, головы и крылья.

Через час после «крака» на вершине айсберга показалась первая вылупившаяся мокрая птица. Она с трудом приподнялась на лапах и, опираясь на крылья, как пьяная заковыляла к краю льдины. Зловещий инкубатор заработал.

Первыми радостную новость увидели ночные милиционеры. Вернее утренние. Стая из трех грифов, каждый размером с троллейбус, сидела и глазела на город.

Милиционеры засвистели в свистки и по рации сообщили начальству:

— Наш айсберг захватили какие-то чудовища. Товарищи командиры, на краю айсберга галлюцинации сидят.

— Почему галлюцинации?

— Потому что в жизни такого не бывает.

Первый трехметровый «пластмассовый» гриф спикировал

на город. Он уселся на промтоварный ларек на пристани, и под его тяжестью ларек наклонился.

Второй гриф подлетел к нему и ларек рухнул. Он рассыпался на отдельные окна и двери, и из него выкатился человек. Это был ночной жулик, которого давно разыскивала милиция.

Первый гриф попытался заглотать жулика. Но это у него никак не получалось, потому что на жулике было надето восемь пар джинсов и два кожаных пальто. Гриф упрямо таскал и таскал человека по асфальту, и на асфальте появились кровавые полосы. Второй гриф в это время нападал на утреннего дворника. Дворник отбивался метлой из пальмовых листьев, и это его спасло. Листья были твердые и рвали язык птице.

В городе началась паника. На пристани появилось милицейское оцепление, завывли сирены.

«Да, Павлова была права, — сказал сам себе полковник Моржов, когда сигнал тревоги докатился и до его части. — Это не выдумки, это реальная опасность».

И на своих кривых хромовых сапогах он поковылял к дельфиньим вольерам.

— Послушай, дочка, эти птицы разламывают Ялту. Что делать? Может, подплывешь с моря с парой ракет и вдарь по ним.

— А что, другого способа жить с соседями по планете у военнослужащих нет? — спросила Павлова.

— А ты сама что — не военнослужащая? — спросил Моржов.

— Я завербованная.

— Я не шучу, — сказал Моржов. — Там в городе люди, дети, курортники. Эти чудовища же сейчас черт-те что творят.

— Послушайте, полковник, — сказала Павлова. — Я вам

скажу, что делать. Только дайте слово офицера, что вы сделаете, как я скажу.

— Даю, — согласился Моржов.

— Первым делом закройте город дымовой завесой.

— Гениально! — согласился полковник.

— Потом сообщите вашему правительству — не генералам, а гражданским, именно правительству, — что эти птицы уникальны. Их нельзя убивать. Их надо сохранить живыми.

— Они меня спросят: а как?

— А так. Выведите в море ближайший авианосец. Когда в море пойдет дым, птицы сами на него усядутся. Особенно, если набросать туда еды. Потом... Не забывайте, у вас же есть сонный порошок...

Дальше Моржов не дослушал. Он уже бежал к телефону.

БЕЛАЯ ЯХТА, ЧЕРНЫЙ КАТЕР

В кабинете полковника Моржова зазвонил телефон прямой армейской связи, связи с командующим. Заместитель полковника Моржова подполковник Стукач С. С., услышав ЭТОТ звонок, сразу вышел из кабинета. Такие разговоры даже подполковникам слушать не разрешалось.

Армейское начальство обрисовало такую ситуацию. Из одной далекой, но близкой нам страны, в Севастополь с миссией дружбы, для закупки оружия, отправлялся небольшой парусный корабль с мотором. Страна эта находилась в Южной Америке и называлась Колумбария. На корабле в Россию направлялся министр иностранных дел.

Но имелись сведения, что бывший диктатор этой страны Фурникулеску, постоянно скрывающийся в джунглях и вооружаемый другой мощной державой, хочет сорвать этот рейс мира. Может произойти диверсия, переходящая в нападение. Или хуже, может произойти нападение, переходящее в диверсию.

Именно поэтому необходимо было проконтролировать проход яхты по океану. И ни в коем случае не следовало допустить взрыва мины или торпеды. То есть, говоря не по-секретному, а по-простому, требовался сопровождающий толковый, хорошо вооруженный дельфин.

— Лучше Павловой у нас никого нет! — твердо заявил Моржов.

— Значит, экипируйте ее как следует и в путь! — приказало начальство.

— И не забудьте справку о здоровье и три фотографии, — подсказал зам. Стукач С. С. — Это же зарубежная командировка.

В то же самое время похожий разговор проходил на другом краю света — на военно-морской базе противостоящей нам державы.

Кабинет полковника Еллоу как всегда наполовину был залит водой (для большей близости к водному коллективу). Шефы и боссы из центра сидели вокруг стола на резиновых кругах. Сам тренированный полковник чувствовал себя как рыба в воде. А крупному начальству было не так удобно. Но начальство не теряло свой начальствующий вид, даже сидя на кругах с задранными вверх ногами.

— По нашим сведениям, в самое ближайшее время в Россию стартует корабль, снаряженный тоталитарным режимом реакционной Колумбарии. Под видом миссии дружбы он направится в Черное море для закупки оружия. Это яхта «Мария». Наматываете?

— Наматываю, — ответил Еллоу.

— Вслед за ней отправится второй корабль, снаряженный прогрессивным режимом революционной Колумбарии. То есть партизанами в лице бывшего диктатора Фурникулеску, которого наша страна усиленно поддерживает. Этот корабль отправится для препятствования первому судну и одновременно для закупки оружия у нас в Алабаме. Наматываете?

— Наматываю! — отвечал Еллоу.

— Могут быть столкновения. Реакционная яхта может напасть на прогрессивный катер. Необходимо соответствующее сопровождение из хорошо вооруженных дельфинов.

— Намек понял, — взял лапищей под козырек полковник.

— Это не намек. Это приказ, — сказал пожилой, седой адмирал, похожий на эстрадного певца. — И выполняйте его как можно скорее. Не забывайте: армия — это такой дом отдыха, где все делается по команде «Бегом».

Еллоу поднялся, включил кнопку на столе и закричал своим громким начальниковым голосом:

— Тристан и Генри! Немедленно ко мне! На выход!

И вот из разных точек земного глобуса отправились в путь разные служебно-транспортные средства, чтобы встретиться в одном месте.

Это красивая парусно-моторная яхта, вышедшая из огромного южного пальмового небоскрежного города. Это мрачный черный катер с пулеметами, торчащими во все стороны, выбравшийся из огромных валунов высоченного каменного берега Колумбарии. Вместо названия у катера номер «21».

Это подводная лодка, переходящая в самолет, с фонтанным шумом вылетевшая из подводного укрытия типа метрополитен из-под Фороса.

Это легкий вертолет, несущий под собой белую огромную ванну с двумя плещущимися в ней дельфинами. Рядом с ванной летели два красивых пляжно-туристских чемодана со шпионским снаряжением. Комфорт, во всем комфорт! Даже в суровых армейских условиях, вот что значит армия ШСА.

В окна иллюминатора самолета было видно, как в просторах океана плывет красивая белая яхта «Мария».

— Дочка, — говорил Моржов Павловой. — Эту яхту ты должна охранять. Вся твоя экипировка на магнитах. Прикрепи ее к днищу яхты и свободно плавай себе как вольная

птичка... то есть рыбка. А в случае чего ракетницу возьмешь и вдарить по ним как следует.

— По кому — по ним?

— По этим, которые будут на мирную яхту нападать.

— А почему на этой мирной яхте замаскированные пулеметы?

— Для самообороны, дочка, для самообороны.

И от вертолета отделились две точки и стремительно упали в море. Это была сама Павлова и ее вещи на магнитах.

На другом вертолете к черному катеру подлетали Тристан и Генри. С ними летел полковник Еллоу.

— Вот, сынки, — сказал он дельфинам, — этот катер — ваш родной дом. Его капитан — ваш родной папа. Слушайте его указания и ведите себя хорошо.

Капитаном черного катера был сладкий, безликий, как из модного журнала, молодой человек. И указания от него немедленно поступили:

— Эй вы, земноводные, ищите белую яхту «Мария». Она где-то здесь в море. Найдете, марихуанки дам.

— Мы не земноводные! — обиделся Тристан.

— А зачем ее искать? — спросил Генри.

— Мы должны ее взорвать, вот зачем.

— Но там же люди! — поразился Тристан.

— Там коммунисты, ребята. Люди здесь.

— Дельфины не могут взрывать корабли. Дельфины и люди — друзья, — пытался спорить Генри.

— Милый мой. Это будет учебный взрыв, тренировочный. От учебных взрывов еще никто не погибал, даже коммунисты. Ну так где эта проклятая яхта? Не могла же она сквозь воду провалиться?

— Мы пойдем поищем, шеф. Хорошо?

— Ищите, ищите. Хрюкайте своим ультразвуком. Но

чтоб к вечеру яхта была найдена. Считайте, что это личная просьба папы Фурникулеску.

А чего ее обнаруживать, эту яхту? Стоило только подать сигнал, как приходил ответный от Павловой. Яхта была всего лишь в тридцати километрах от катера.

— Да, господа кистеперые, — продолжил капитан, — когда найдете яхту, прикрепите к ее днищу вот этот подарочек.

— Мы не кистеперые, — поправил капитана Тристан.

— Значит, членистоногие.

«Сам ты членистоногий», — подумал про себя Тристан и хмуро сказал:

— Мы китовые.

— Ребята китовые — очень франтовые, — пропел капитан. — Так не забудьте. Прикрепите к ее днищу этот подарочек. — Он швырнул Тристану довольно большой и тяжелый пластиковый диск с чем-то похожим на антенну.

— А что это, господин адмирал? — спросил Генри.

— Это радиомаяк, сынки. Очень ценная штука. Тысяч на сто долларов. В дальнейшем зовите меня просто Джимми.

На яхте «Мария» было спокойно и тихо. Играла музыка. Официанты разносили пиво. Телевизор сообщал последние новости в смысле рекламы омаров и креветок. И повсюду лазал желтоватый мексиканского вида ребяенок — то ли сын, то ли внук министра иностранных дел.

Прикрепившись ко дну корабля магнитной присоской, плыла по морю Павлова. Неожиданно из потока воздушных пузырей возникли Генри и Тристан со своей непомерных размеров тарелкой. Начались объятия, радостные выкрики.

— Слушай, старуха, мы это у тебя прикрепим, — сказал Тристан. — Нам начальство велело.

— А мое начальство мне велело никого к кораблю не подпускать, — возразила Павлова.

— Что же делать? — растерялись Тристан и Генри.

— А что это такое?
— Какая-то очень ценная штука. Тысяч на сто долларов.
— Вот и прикрепите ее к своему кораблю. Не пропадать же такому добру.

Тристан и Генри немедленно вернулись к своему катеру и привесили ему на днище это ценное изделие с рожками.

Яхта «Мария» продолжала свое путешествие. Желтенький ребенок бегал по палубе и играл в мяч. Конечно, мяч очень скоро оказался за бортом. Мальчик заскулил:

— Хочу мячик! Хочу мячик! Хочу мячик, папа!!!

Не останавливать же парусник из-за детской игрушки. И парусник шел и шел. А ребенок ревел и ревел. Чайки начали шарахаться.

У детолюбивой Павловой сдали нервы. Она подхватила мяч носом, догнала яхту и бросила малышу. Началась игра. Все любовались ею. Потому что Павлова умела делать чудеса — ловить и возвращать предметы, жонглировать ими, стоя на хвосте, делать в воздухе сальто.

Теперь малыш изменил свое решение:

— Хочу рыбку!

Эта мысль показалась капитану более интересной и перспективной. Он приготовил сетку-паук и стал пытаться ловить Павлову. Еще бы, займей такого дельфина, и любой цирк тебе откроет двери — счастливая старость тебе обеспечена. Правда, мокрая.

Но не тут-то было. Ловить Павлову такой сеткой — пустой номер. Все равно что ловить ласточку сачком для бабочек. Она только прыгала через нее и качалась в ней как в люльке. А потом снова выпрыгивала.

Посоветовавшись с судовым врачом, капитан бросил Павловой рыбу из холодильника, предварительно запихнув в нее три таблетки снотворного. Хороший урок на будущее!

Павлова стала засыпать на ходу. В таком состоянии выловить ее пауком, конечно, ничего не стоило. Вот паук опу-

стился, сетка подошла, лебедка заработала. Беспомощная Павлова поехала вверх.

В самый последний момент пришла помощь. Из моря пулей вылетел Генри и плюхнулся в эту же сеть.

— Капитан! — закричали матросы. — Они все к нам захотели. Так им понравилась треска.

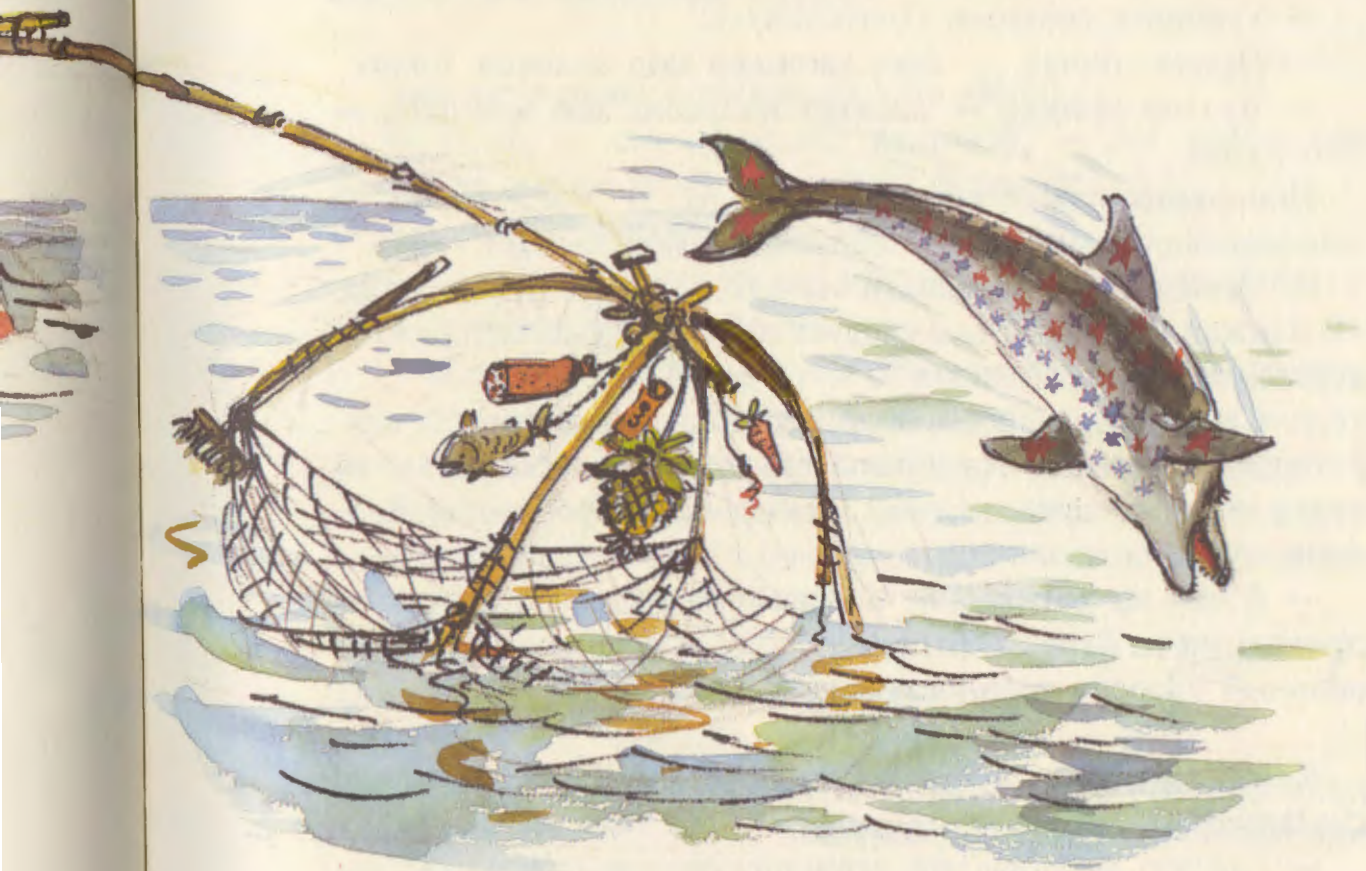
Но когда из моря вылетел и плюхнулся в сетку Тристан, радость матросов поубавилась, а мощности лебедки явно не хватило. Сетка медленно, потом быстрее, быстрее поползла вниз.

Еще секунда и дельфиниха в воде. Поддерживая ее с двух сторон, Генри и Тристан отвели ее от яхты. В ответ на эти действия раздался пароходный рев малыша.

В это время капитан партизанского катера Джимми опустил в воду конец сигнального устройства и стал отдавать приказания Тристану и Генри:

— Военнообязанные Тристан и Генри срочно вызываются к катеру.

Тристан и Генри подвели Павлову к корпусу яхты «Мария» и помогли ей надеть боевую одежду. С ракетницами

на боках и спине она приклеилась магнитной присоской к кораблю и постепенно начала приходить в себя.

— Держись, — сказал Генри. — Мы мигом. Только туда и обратно. Узнаем, что случилось.

В кабинете полковника Еллоу на дельфиньей базе опять выступало военно-морское начальство.

— Очень странно, — говорил пожилой адмирал, вращаясь в плавающем кресле, — они прошли уже треть пути, а реакционная яхта «Мария» до сих пор не напала на прогрессивный катер папы Фурникулеску.

— Что же делать? — спросил полковник.

— Ускорить события. Подтолкнуть.

— Приказ понял, — взял лапищей под козырек Еллоу.

— Это не приказ, — ласково поправил его адмирал. — Это намек.

Полковник нажал кнопку селектора. Из воды возникла молоденькая секретарша с непромокаемой папкой.

— Немедленно передайте на катер намек руководства: «В ближайшее время вам следует подвергнуться нападению агрессивной яхты „Мария“».

— Слушаюсь, — козырнула непромокаемой папкой секретарша и уплыла. Адмиралы с удивлением смотрели ей вслед — не русалка ли она? Адмиралы вопрошающе подняли глаза на полковника.

— А что вы хотите?! — оправдывался он. — Культурная программа на базе на низком уровне, развлечений нет. Моральный уровень военнослужащих сами знаете какой.

Когда дельфины добрались до капитана Джимми, он зло сказал:

— Где это вы шлаетесь, военнослужащие? Или мне сообщить вашему начальству, что вы не выполняете приказа?

— Почему, шеф, — говорит Тристан. — Вы приказали нам искать яхту «Мария», и мы ее нашли...

— Да? И где же она?

— В сорока милях к отсюда к северу.

— О'кей! Надевайте ваши намордники и ракеты и готовьтесь к бою.

— У нас приказ защищать вас, мистер Джимми, — воз-

разил Тристан. — Но у нас нет приказа на кого-то нападать.

— Вот и защищайте, — парировал Красавчик Джимми, — а нападать буду я сам.

Катер набрал огромную скорость и начал делать поисковые круги. Команда прильнула к прицелам пулеметов и к пусковым устройствам торпед.

Забеспокоилась команда на яхте «Мария».

— Шеф, — сказал радист капитану, — нас преследует какой-то неизвестный катер. Что будем делать?

Капитан обратился к министру:

— Господин министр, нас преследует неизвестный катер. Они требуют, чтобы мы отключили двигатели.

— Я думаю, это катер папы Фурникулеску. Надо уходить.

— Полный ход! — последовал приказ капитана в моторный отсек. — Приготовиться к бою.

Яхта была неплохо вооружена. Она размаскировалась и из-под прогулочных лодочек и беседочек возникли торпедные аппараты.

Некоторое время шла погоня. Но катер все-таки был быстрее.

— Капитан, запросите союзников, что делать?

От яхты пошли радиосигналы. Они прилетели в кабинет Моржова, где как раз и находилось районное военно-морское начальство.

— Дружественную нам яхту «Мария» преследует неизвестный катер, — докладывал Моржов адмиралам. — Команда запрашивает инструкции.

Адмиралы секунду размышляли над картой.

— Дайте им ответ: «Немедленно следуйте в квадрат № 349, где под видом нефтяного танкера перевозит нефть наш мирный авианосец „Никита Хрущев“, или в квадрат № 943, где под видом туристского лайнера крейсер „За-

служенный отдых“ перевозит в Анголу мирные десантные кубинские войска».

Тем временем катер почти настигает яхту. «Мария» дает залп — и две торпеды, вспенивая воду, несутся на катер. Навстречу торпедам устремляются Тристан и Генри. Они отжимают торпеды от цели. Торпеды расходятся все больше и больше, оставляя катер в середине. Пройдя мимо катера, они устремляются друг к другу и взрываются в километре от цели.

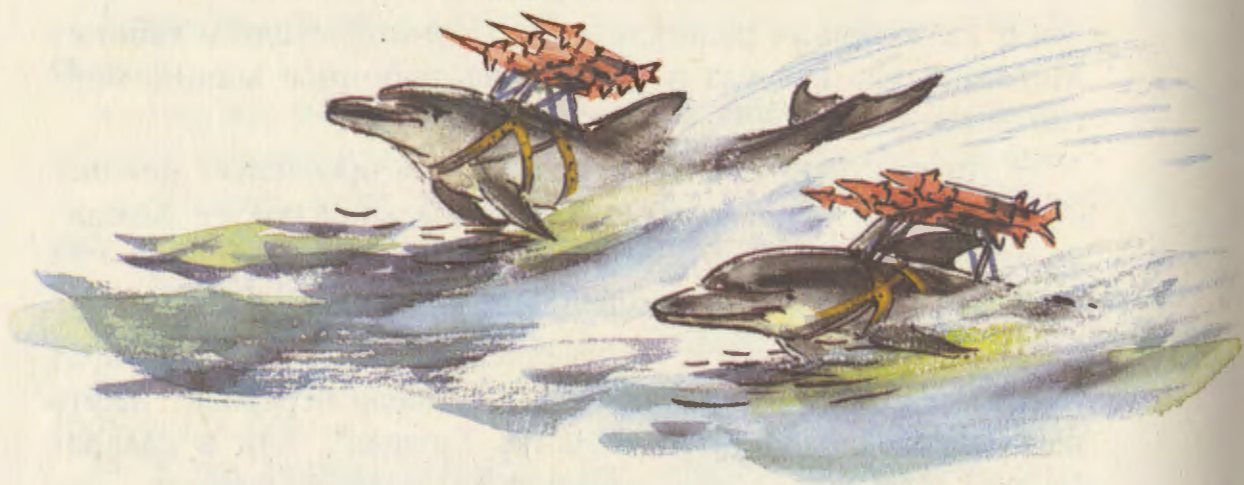
— Молодцы, селетки! — в восторге кричит Красавчик Джимми.

Катер становится на пути яхты.

«Срочно сдавайтесь! Считаю до трех! В противном случае мы пустим вас ко дну!» — радирует Красавчик Джимми.

В это время на базе Тристана и Генри у полковника Еллоу адмиралы в некоторой растерянности. Секретарша-русалка доставила следующие телеграммы:

«Внимание! По сведениям со спутника БИС-43 с палубы нефтяного танкера „Никита Хрущев“ поднялось вверх не-

сколько десятков самолетов. Идут в сторону „Марии“». «Внимание! Из люков туристского лайнера „Заслуженный отдых“ в море вышло десять торпедных катеров. Направляются в квадрат яхты „Мария“».

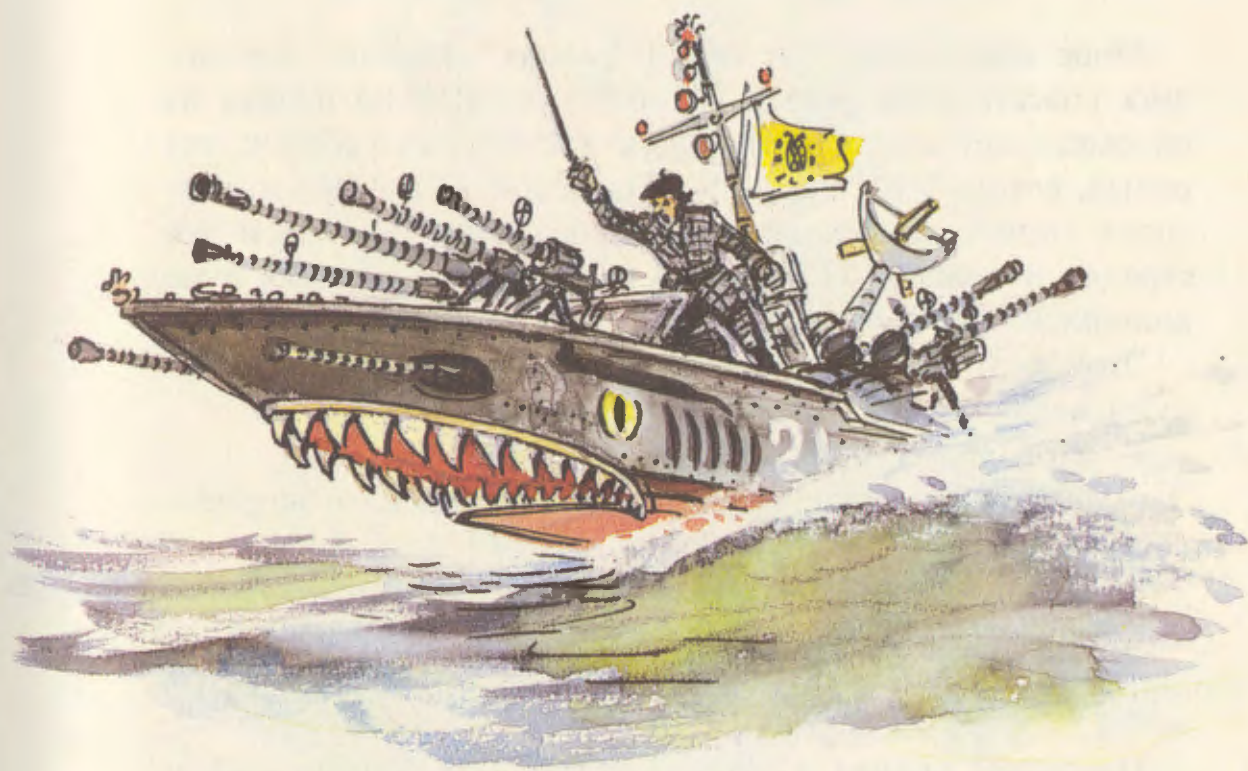
Поэтому Красавчику Джимми срочно был направлен железный приказ: «Немедленно уходите в открытое море».

— Капитан, — закричал радист. — Дан приказ уходить.

— Отлично, — согласился Красавчик Джимми. — Взрываем яхту и уходим. Эй, селетки, вы прикрепили тарелку куда следует?

— Так точно, — ответил Тристан. — Наглухо.

Радист на подносе подал Джимми радиоключ, капитан включил его и передняя часть его собственного катера с

места в карьер взлетела на воздух. Радист улетел, а Джимми остался с ключом в руках.

— Караул! — закричал он в микрофон. — Они нас взорвали. Они напали на нас.

И пока его катер медленно погружался в воду, красавчик капитан бросился в кабину легкого вертолета на корме.

— Вперед! — скомандовал он пилоту. — Мы должны расстрелять эту яхту. Иначе папа Фурникулеску расстреляет нас.

Вертолет сделал заход на яхту, и две огненнохвостые ракеты из-под его днища устремились к белому кораблю. Секунда и два взрыва просто разломали яхту «Мария».

В стороне три дельфина в ужасе наблюдали эту картину.

— Это и есть учебные взрывы, обещанные нам капитаном Джимми, — сказал Генри.

— И производятся они боевыми ракетами с боевого вертолета, — подхватила Павлова.

Море постепенно пустело. В разные стороны расходились спасательные лодки. На месте белой яхты плавал на обломках крушения только один желтоватый ребенок, тот самый, который играл в мяч с Павловой. И почему-то вертолет упрямо кружил и кружил над этим местом и все стрелял и стрелял из пулемета по обломкам корабля и по копошащемуся ребенку.

Этой картины не выдержал все тот же Генри. Он крикнул Павловой:

— Стреляй. Чего ты ждешь?

— Дельфины не должны нападать на людей, — возразила она.

— Люди здесь, — возразил на это Тристан. — А там эти... как их там... коммунисты.

Он разогнался и в очередной заход вертолета, на три метра вылетев из воды, сделал выстрел ракетой.

Наступила полная и резкая тишина. Океан был спокоен

и велик. Дельфины бросились к малышу, который уже взобрался на маленький плот, и быстро начали буксировать его в сторону ближайшего кораллового рифа.

И вовремя, потому что на это место уже прилетели первые из пятидесяти обещанных самолетов и подплывали первые из пятидесяти обещанных катеров.

Они долго кружили над местом побоища, исследуя его долго и тщательно. Но они не нашли ничего тревожного и подозрительного и удалились на свои «мирные» базы.

Никого в океане. Только тройка дельфинов толкала по очереди куда-то маленький надувной плотик с маленьким мальчиком. Они становились все меньше, и меньше, и меньше. И постепенно превратились в точку.

МИККО — СЫН ПАВЛОВОЙ

аннее утро. Тихо спит военно-морская база. Огромное залитое солнцем море окружает ее. Никого. Никого-никого. Ни одной тебе подводной лодки, ни одного катерочка.

Но вот в море появилась маленькая черная точка. Это была Павлова, она толкала перед собой крохотный надувной плотик. На плоту сидел желтокожий ребенок и держал в руках надувного красного крокодильчика. Павлову сопровождали Тристан и Генри.

— Прячьтесь! — сказала она им. — Уходите! Это плохо кончится. Вас могут поймать.

— Меня! — возмутился Тристан. — Меня! Меня никто еще не ловил!

— Ты забыл, от какой клетки эти рубцы! — напомнила ему Павлова. — Так я покажу. Во-он от той.

— Она права! — согласился Генри. — Уходим.

Дельфины повернулись и поплыли к выходу из бухты.

— Эй, Павлова! — закричал Генри напоследок. — Мы побудем здесь, неподалеку. Вместе с вольными. В случае чего ты нас зови.

На этом они и расстались. Павлова подплыла к круглой педали у бетонного пирса с надписью «Вызов служащего» и толкнула носом эту педаль.

Раздался низкий, пароходного толка гудок и из двери

маленького служебного помещения вышел заспанный дядя Яша. Он был в футбольных трусах по колено, в телогрейке и был очень похож на средних лет Льва Толстого.

— Павлова! — радостно воскликнул он. — Вернулась! Вот хорошо.

— Дядя Яша, — сказала Павлова. — Возьми мальчика.

— Вот это да! Какой толстун! — поразился «Лев Толстой». — И куда его? В детский дом?

— Ни в коем случае. Это наш мальчик. Мы будем его воспитывать.

— Мы — это кто? — спросил дядя Яша. — Я со старухой?

— Мы это мы, — ответила Павлова. — Это вы со старухой, и я, и все остальные дельфины.

— Идет! — согласился дядя Яша. Он взял спящего мальчика на руки и унес в служебное помещение.

Раннее утро раннего дня. Только-только начался рассвет. Солнце выбрасывало из себя лучи и брызги, как матрос — гладильщик брюк выбрасывает изо рта воду.

В кабинете Моржова его зам. Стукач С. С. докладывал новости.

— Товарищ полковник морских войск, сегодня ночью на базу вернулась Павлова.

— Это прекрасно, — сказал полковник, взял бинокль и подковылял к большому окну.

Он увидел ряд клеток дельфинов, дядю Яшу с ведром, бросающего рыбу дельфинам, и маленького, совсем крошечного мальчика рядом с дядей Яшей, который тоже пытался кидать рыбу дельфинам. Свободной рукой мальчик таскал за собой красного резинового крокодильчика.

— Эт-то что? — рявкнул Моржов.

— Ребенок, мальчик, — доложил Стукач. — Павлова с собой привезла.

— Откуда привезла? Зачем привезла? Дожили! — зарычал Моржов. — Из военной базы детский сад устраивают.

Он плюхнулся в свое любимое кресло-вращалку от зенитного пулемета и долго качался в нем, сердито глядя в потолок, как будто там был условный противник. Потом повелел:

— Мальчишку с базы убрать. Немедленно. Сдать в военный детский дом под расписку.

Утром, как всегда, на военной базе проходили занятия. Вдоль бетонного пирса в воде в огромной клетке-классе выстроились дельфины. У каждого на клюве было надето какое-то сверкающее приспособление, напоминающее хромированный противогаз.

По пирсу ходил матрос-инструктор и учил дельфинов пользоваться блестящим намордником-перекусывателем металла. Он надел приспособление себе на голову и запросто перекусил лом.

Дельфины повторяли его движения.

Вдруг мимо клетки проплыл морской катер с высокими бортами. С катера слышался детский крик, и через борт вылетел и спланировал в воду красный крокодильчик.

Павлова жутко забеспокоилась.

Она заметалась вдоль задней стены клетки. Потом нырнула в глубину и перекусила несколько толстых прутьев. Она вынырнула уже далеко в акватории около педали «Вызов служащего». И нажала ее.

— Дядя Яша, где мальчик? — спросила она сквозь намордник.

Вместо ответа он показал на маленькую точку в море — уходящий катер.

Павлова бросилась в погоню.

Она настигла катер и, прижавшись к нему всем телом,

довольно сильно застучала тяжелым намордником по днищу.

Сверху через борт нависла тюленья морда рулевого:

— Павлова, чего тебе?

— Отдай мальчика.

— Не отдам! У меня приказ.

Морда убралась обратно. Тогда Павлова стальными челюстями захватила кусок металлической обшивки катера на углу между кормой и бортом и начала вращаться. Она, как ключ в американских мясных консервах, постепенно вырезала тонкую ровную полосу металла.

Тюленья морда снова нависла над ней:

— Павлова, ты что?! Это же военное имущество. Павлова, ты с ума сошедши? Мы же сейчас пойдем на дно.

— Отдай ребенка! — не разжимая клюва, потребовала Павлова.

— Черт с тобой! — согласился матрос и в море вылетела надувная десантная лодка, в которой болтался цепкий, как обезьянка, маленький мальчик. Павлова отмотала полосу обратно.

Лодка с мальчиком приближалась к диверсионной базе. Павлова буксировала ее, держа буксировочную проволоку в клюве.

Моржов смотрел на нее в бинокль из своего кабинета. Он все понял. И когда в комнату вошел матрос-секретарь, Моржов сказал ему:

— Матвеев, зачислите ребенка на рыбное довольствие.

— Какого ребенка? — удивленно спросил матрос.

— Вот этого, — показал Моржов в море.

— По какой норме? — спросил матрос.

— По норме годовалого дельфина.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться, — попросил матрос.

- Обращайтесь.
- Почему вы уступили?
- В каком смысле?
- В смысле ребенка.

Моржов окинул матроса своим суровым «моржовым» взглядом и ответил:

— Ты что, Павлову не знаешь? Нам только забастовки дельфинов не хватало.

Примерно в это же время на другом краю земли в другом начальственном кабинете происходил другой разговор между Тристаном, Генри и раздраженным полковником Еллоу. Они влетели в его кабинет по стеклянному дельфинопроводу, бухнулись в кабинетную воду и без паузы начали:

— Полковник, нам стала известна одна очень интересная вещь.

— Какая же интересная вещь вам стала известна? — спросил полковник.

— Из неконфиденциального источника нам сообщили, что всем военным и гражданским лицам, работавшим на государственных предприятиях ШСА, в течение каждого года положен оплачиваемый отпуск. Это верно?

Полковник Еллоу позеленел. Узнать бы, что это за источник им сообщил. Он бы тогда собственноручно начистил морду этому роднику.

— Военным и гражданским да, — ответил он, — но не рыбьим.

— А кто-то нас убеждал, что мы сыны Америки, — протянул Генри. — Так что — мы сыны Америки или ее закуски?

— Сыны, сыны! — поспешно согласился Еллоу, понимая, что дело становится горячим.

— А раз мы сыны, значит положен отпуск за три года. У нас в Севастополе сын растет, — сообщил Тристан.

— Какой еще сын? — удивился полковник. — Дельфиненок?

— Нет. Мальчик. Мы с русскими дельфинами спасли его в море.

— Что у вас общего с русскими дельфинами? — разгорячился Еллоу. — Это же наши потенциальные враги.

— Ничего, кроме ребенка, сэр, — успокоил его Генри. — А ребенок без нас скучает.

— Откуда вы знаете? — спросил Еллоу.

— Вольные дельфины сказали, — ответил Тристан.

— В общем так, — подытожил Генри. — Если не дадите отпуск, мы объявим забастовку.

— Хорошо, — согласился Еллоу. — Я отпущу вас, но только вместе. Ты, Тристан, в отпуске назначаешься главным.

После этого полковник нажал селектор:

— Машину полковника Еллоу к подъезду!

Сев в автомобиль, он скомандовал шоферу:

— К начальнику разведки флота, как можно скорее.

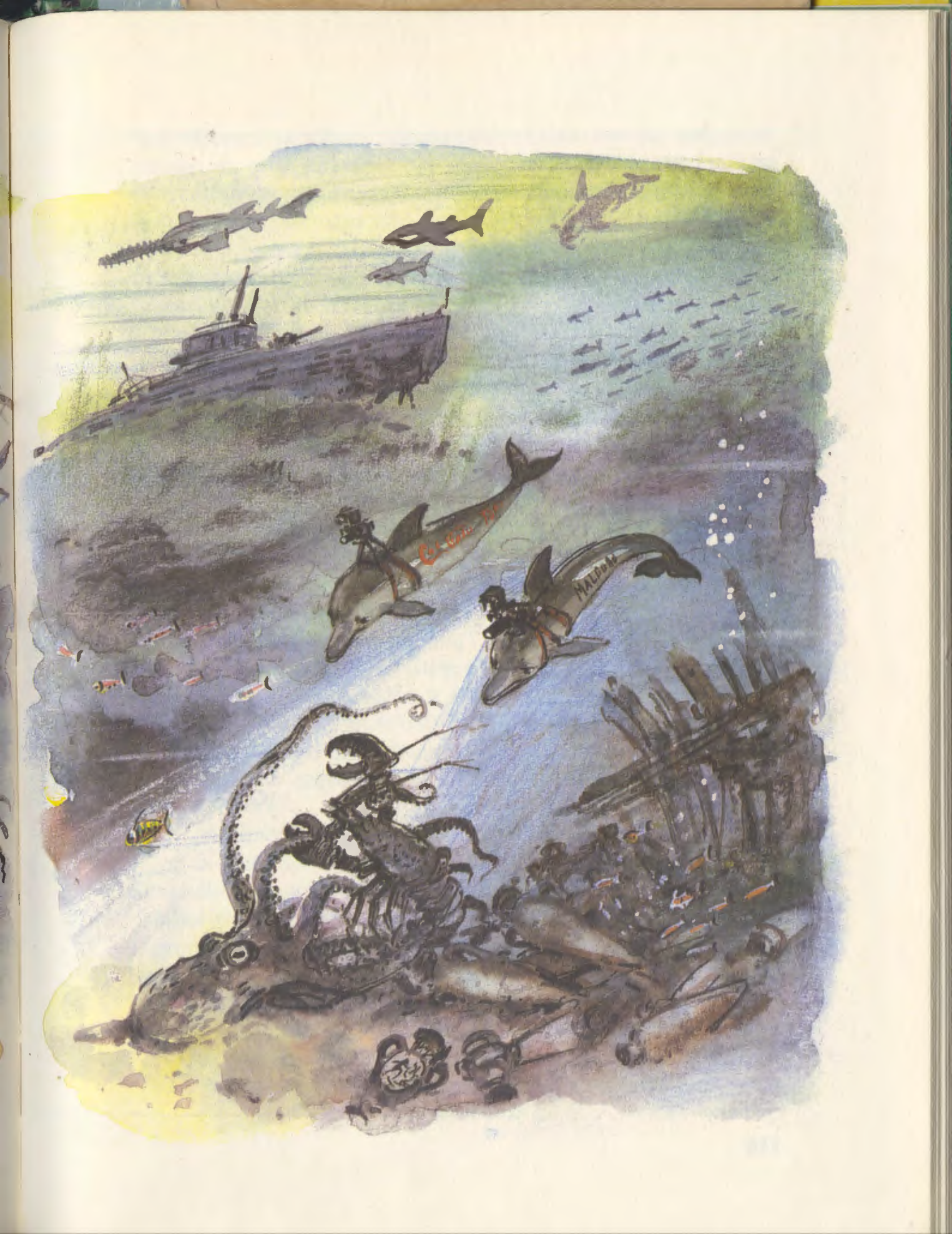
Через некоторое время он уже находился в строгом военном кабинете, обитом бархатом цвета хаки с красными креслами. Голос большого разведывательного босса безжалостно гремел:

— Вы сошли с ума, Еллоу! Отпустить двух лучших дельфинов в самое логово противника!

— Шеф, у меня есть план! — слабо оправдывался Еллоу. — Мы прикрепим им на шею фотоаппараты. Они будут включаться на любой радиосигнал. И когда они вернутся, мы будем все знать про секретную базу русских.

Владелец бархатного кабинета думал одну миллионную долю секунды:

— Это меняет дело, — сказал он. — А они сумеют вернуться?

— Я в этом стопроцентно убежден. Это же лучшие дельфины. И они преданы Америке, как ездовые лайки.

— Тогда с богом. А как они будут добираться?

— Пусть добираются пешком. Это будет эксперимент на выживание.

— А оборудование, там, мины, ракеты, вы им дадите с собою в отпуск?

— Нет, босс.

— Не представляю себе, как же без этого отдыхать.

— Если оно им понадобится, у нас там есть небольшой тайник. Возле Севастополя. Наши дельфины еще после первой командировки оставили.

— Тогда с богом. Пусть отдыхают себе две положенные недели.

Два дельфина, Генри и Тристан, солдатским шагом пересекали океан уже который день. Они шли, и шли, и шли. С волны на волну, от острова к острову. От одной рыбьей тучи до другой.

Молча и упрямо, как две остроголовые торпеды, они, как машины, преодолевали океанские просторы.

Шли, шли, шли, шли, шли.

При подходе к Крымскому полуострову они увидели странную картину. Море пересекала высоченная сеть. Верхняя часть ее держалась на полусотне больших воздушных шаров, а нижнюю утаскивали вглубь какие-то тяжелые грузы. На шарах была надпись: «Цирк Марка Алмазного. Гастроли по всем странам, включая ШСА». Каждая буква была размером в метр и была написана на отдельном шаре.

— Что это? — спросил Генри.

— Сеть для ловли дельфинов! — ответил более догадливый на этот раз Тристан. (Он уже встречался с людьми Марка Алмазного.) — Их загоняют в этот огромный сачок и вылавливают.

— И для чего? И зачем?

— Отдают в цирк. Или ученым на опыты.

— Это можно перепрыгнуть?

— Попробуй.

Генри разогнался, торпедой вылетел на несколько метров, но едва достиг верхнего края сети. Он зацепился за край клювом и сеть провисла.

Тогда разогнался Тристан и пробил клювом ближайший воздушный шар, который был приспущен на уже доступную ему высоту. Шар был размером с метеорологический зонд и разлетелся со страшным треском. Сеть опустилась ниже. Второй шар уже пробил Генри. Так, двигаясь от шара к шару, наши дельфины быстренько притопили всю сеть. Она едва-едва держалась на плаву на двух последних непробитых шариках.

У входа в бухту их встретил вооруженный до зубов дельфин Сидоров.

— Привет, — важно сказал он. — Здравствуйте оба. Вы чего явились?

— Привет, бульдозер, — ответили они. — В гости.

— У нас родительский день, — объяснил Генри.

— Вы без оружия?

— Конечно.

— А это что? — спросил Сидоров про металлические обручи для фотоаппаратов.

— Прочти.

Сидоров с трудом прочитал по-английски:

— «Собственность ШСА». Что это значит?

— Это чтобы нас не украли! — объяснил Генри.

- Проходите. Только не заплывайте на середину бухты.
- Почему?
- Она просматривается Моржовым.

В это время в кабинет Моржова вошел матрос-секретарь и принес телеграмму:

«По сведениям нашего агента № 245-14 из Алабамы, на вашу базу отправлено два секретных агента — скорее всего дельфина. Приметы: один большой, другой маленький. Предотвратить возможность контактов между ними и персоналом базы. Принять меры к задержанию».

Получив телеграмму, Моржов потянулся к селектору и объявил приказ по базе:

- Никому из дельфинов за пределы дельфинария не

выходить. На входе в бухту охрану из дельфинов поменять на охрану из матросов. Объявляется военная тревога.

«Если запрещается выходить, — решила про себя Павлова, — значит надо будет это обязательно сделать».

Скоро появился и сменный дельфин Сидоров.

— В чем дело? — спросила Павлова. — Чего это наш полковник переполошился?

— Твои американские дружки явились.

— Где они?

— Под Черной скалой. Около домика дяди Яши.

Павлова с места в карьер бросилась к той самой дыре, которую она прокусила ломокусательным приспособлением,

когда забирали Микко. И через минуту она уже находилась в объятиях Тристана.

— Тристан, милый, я так по тебе соскучилась. Ой, и Генри здесь.

— Слушай, Павлова, — сказал «и Генри», — покажи мальчишку-то.

— Сейчас, — согласилась Павлова.

Она подплыла к педали «Вызов служащего» и нажала ее. Из домика вышел заспанный дядя Яша.

— Дядя Яша, позовите Микко.

— Он спит.

— Придется подождать, — сказала Павлова. — Дядя Яша, это мои друзья. Они проживут здесь несколько дней у Черной скалы. Ты их не выдавай, ладно?

— Кого это дядя Яша выдавал, — сказал старый рыбак. — Пусть живут, жалко, что ли.

В это время Моржов и команда посыпали сонным порошком акваторию Севастопольской бухты. Ветер выносил порошок в город, и на наших глазах Севастополь как в сказке засыпал. Засыпали прохожие, засыпала милиция, засыпали автобусы и пассажиры в них. Засыпали жулики, которым самое время было бы не спать, а лазать по чужим квартирам.

И не приходило Моржову в его огромную башку, что те, кого он ищет, давным-давно у него под носом — в дельфинарии.

Сергей Сергеевич Стукач давно уже решил про себя, что он пойдет другим путем. Путем оперативной, другими словами, осведомительской работы.

«Два-три доброжелателя среди дельфинов и один среди морских котиков, и я буду знать все не только про наш

дельфинарий, но и практически про весь океан. Вся морская разведка будет мне завидовать», — мечтал Сергей Сергеевич Стукач.

Он вызывал к себе в кабинет по дельфинопроводу одного за другим дельфинов и вел с ними беседу. Перед ним для большего доверия стоял графинчик с рыбьим жиром.

Бульдозер Сидоров никак не мог взять в толк, что от него хотят.

— Так что я должен делать?

— Сообщать.

— Что сообщать?

— Все сообщать. Где что произошло? Кто откуда приплыл и зачем? Какие волнения, среди кого?

— Так это ж по радио передают. Из Ирана приплыл танкер. Волнение на море до десяти баллов. Ветер умеренный.

— Что по радио передают, я и без тебя знаю, — злился Сергей Сергеевич. — Ты давай выводывай мне все у товарищей.

— Зачем выводывать? Они и так мне все говорят.

— Вот и хорошо. А ты говори мне. Передавай мне всякие секретные данные, которых никто не знает.

— Если их никто не знает, откуда же я их узнаю?

— Ты их выводывай.

— У кого?

— У своих приятелей-дельфинов.

— Они-то откуда знают?

— Ну мало ли откуда. Может, рыбы им рассказали.

— Какие рыбы! Селедки, что ли? — проскрипел дельфин Сидоров.

— Хотя бы селедки!

— Ой, насмешили, — задержался дельфин. — Да они же не умеют разговаривать. И к тому же это совсем нетактично.

— Что нетактично? — удивился Стукач.

— Разговаривать с селедками. Мы же ведь их едим.

Стукач разозлился, плюнул и выставил Сидорова из кабинета.

«Еще издевается, гад», — подумал он про себя.

Хотя Сидоров ни над кем не издевался, говорил искренне, был не гадом, а китообразным, и был прекрасным товарищем. Немного туповатым, как Портос, но очень сильным и верным.

Тем временем Микко проснулся и дядя Яша вывел мальчика под ясные очи Тристана и Генри.

— Отличный малыш, — сказал Тристан.

— Ничего мальчик, — поддержал Генри, — а плавать он может?

— Весь день в воде, — сказал дядя Яша.

— Малыш, прыгай сюда! — сказал Тристан.

Мальчика не пришлось долго упрашивать. Прямо в спальной длинной рубашке он плюхнулся в воду с мола.

Тристан и Генри стали играть с ним, стали катать его и нырять вместе с ним.

И тут ветер стал доносить остатки сонного порошка из бухты.

Павлова беспокоилась:

— Эй, ребята, надо уходить. Вас, кажется, начали вылавливать.

— Куда уходить? — удивился Генри. — Обратно в Америку?

— Да. Не в тюрьму же.

— А что? — сказал Тристан. — Ребенка мы видели. Можно и прямым ходом назад.

— Преодолеть пол-океана, пять минут посмотреть на мальчика и снова назад в казармы?

— А что? — сказал Тристан. — Это красиво. Полтора-океана пути ради пяти минут свидания.

В этот раз Тристан проявлял совсем не свойственную

ему мудрость. Но он знал, что Моржов и советские не остановятся ни перед чем. Они весь океан вскипятят только ради того, чтобы поймать Тристана и Генри.

— Вперед! — скомандовал он.

— Назад! — остановила его Павлова. — Не забыли про синий луч?

— Забыли. Как через него пройти?

— Его можно перепрыгнуть. Он сейчас хорошо заметен из-за сонного порошка.

— Да, — вмешался Генри. — Но и мы хорошо заметны из-за этого порошка. Мы сразу же всплывем брюхом вверх.

— Держитесь левого берега. Там порошка нет. Его ветром сносит.

— Вперед! — снова сказал Тристан. На этот раз его никто не останавливал. Только мальчик Микко спросил дядю Яшу:

— Дядя, а где большие рыбки?

Синий луч они миновали легко. Тренированные дельфины перелетели через него с большим запасом. Но отвязаться от катеров Моржова было труднее. Очевидно, их наводил кто-то с воздуха.

Тристан и Генри беспрестанно погружались в темноту моря, чтобы всплыть на полкилометра в стороне. Но звук мотора катера постоянно нарастал, настигал их и постепенно перерастал из комариного в дизельный.

— Тристан, плывем к шарам Марка Алмазного, — предложил Генри.

— Плывем.

И верно, полузатонувшая сеть оторвала от них два катера. Они запутались винтами в сети. И вместе с шарами «Ц» и «А» чуть не на веслах отправились в обратную сторону, на базу. Но последний, самый противный катер ну никак

не хотел отлипнуть от них и гнал, и гнал полузадыхающихся дельфинов назад, выжимая их в сторону берега.

— Тристан, — сказал запыхавшийся Генри. — Я скоро перевернусь вверх брюхом.

— Еще пять минут выдержишься? — спросил Тристан.

— Четыре с половиной.

— Этого нам хватит.

— Что ты задумал, Тристан?

— А ничего. Разве ты забыл про запасное снаряжение?

— А оно здесь?

— Да вот же оно, под нами. Чувствуешь?

Локаторы Генри подтвердили правоту Тристана.

Оба дельфина погрузились вниз, в холодный и глубокий мрак.

— Оба комплекта наденем? — спросил Генри. От усталости он уже очень плохо понимал, что происходит.

— За-ачем оба? — почему-то с дельфино-грузинским акцентом сказал Тристан. — Двумя комплектами мы весь Севастопольский флот утопим. Нам одного за глаза хватит.

Тристан всунулся в поясной намордник комплекта и даже не стал просить Генри затянуть на нем ремни.

— Ласты вверх до самого упора — фото, ласты вниз до самого упора — выстрел! — повторил он слова Юджина Старского. — Эй, Генри, — приказал он. — А ну-ка наводи меня!

Генри прицелился Тристаном, как будто Тристан был легким зенитным орудием, и сказал: «ОГОНЬ!». Тристан сделал ласты вниз до самого упора.

И счастье Моржова со товарищи было в том, что Генри устал и наводка была не слишком точной. А то бы огорченное военное руководство Крымского полуострова в лице генерала Мокрого недосчиталось одного облегченного скоростного вездеходного катера из легких силиконовых сплавов с модернизированным радиолокационным и наводящим устройством. Катер лишился только мачты и всех радиоло-

кационных устройств. Поэтому Моржов с командой прибыли на базу только в конце второй недели, сделав небольшой парус из штанов всех участников погони. Очень красив был этот черно-брючный парус с лампасами.

Через две недели на другом углу земного шара полковник Еллоу и какой-то чрезвычайно важный чин из армейской разведки рассматривали фотографии из фотоошейников Тристана и Генри.

— Странно, — говорил чин. — На всех фотографиях одно и то же. Дельфины, дельфины и еще раз дельфины.

И верно, на всех фотографиях была Павлова. Павлова в воде, Павлова под водой, Павлова в прыжке над морем.

— В чем дело?

— У них под плавниками вделан радиомаяк, — догадался Еллоу. — Он регулярно подает сигналы. Вот наш фотоаппарат регулярно и срабатывал.

— Вшить такие же маяки нашим! — приказал разведывательный чин. — Срок исполнения — неделя.

Ну ничему хорошему не учатся друг у друга военные, а только плохому.

ОЗЕРО НА ДНЕ МОРЯ

В чистом море работал корабль. Это был военный или военизированный транспорт. Шли спасательные работы. Спасали утонувшую ракету, упавшую не туда.

Ни один водолаз ничего не сумел сделать на такой глубине. Только прирученные дельфины могли помочь достать это ядерное чудовище, чтобы люди могли почистить его, изучить, починить и, наконец, послать туда, куда оно должно было прилететь.

Работы заканчивались, ракета оторвалась ото дна и медленно стала всплывать.

Общий восторг поднялся на корабле. Все ликовали и бросали в воздух бескозырки и гаечные ключи. Командир спасательной команды подошел к колоколу и дал сигнал отбоя:

— Все, ребята! Начинаем буксировку. Все подводники свободны! Всем дается отпуск на двадцать четыре часа.

И вот от плавбазы отделилась маленькая десантная лодка. На лодке находился мальчик Микко — юнга. В лодку, как на древних картинах, была запряжена Павлова.

— Стойте! Стойте! — закричал вслед уходящей лодке полковник Моржов. — Возьмите передатчик. Мы же не в своих водах. Мало ли что! И это возьмите! — он показал на преобразователь речи.

Он бросил в лодку маленький ящичек, и лодка быстро пошла в открытое море. Павлова и Микко начали свой совместный двадцатичетырехчасовой отпуск.

Мальчик в море чувствовал себя как дома. Он мог глубоко нырять, быстро плавать. В совершенстве владел ластами, маской, дыхательной трубкой и аквалангом.

Мальчик короткой удочкой ловил рыбу — вытаскивал из моря рыбешку за рыбешкой.

— Мама, — вдруг спросил он. — А почему нас совсем не сносит? Здесь же должно быть сильное течение.

Микко и Павлова звали друг друга «мама» и «сынок». Но это были скорее названия, чем слова, имеющие прямой смысл. Так иногда люди обращаются к пожилой женщине тепло, но не по-родственному.

— Я привязала лодку к какому-то колышку с камушком, — ответила Павлова.

— Чего? — удивился Микко и немедленно прыгнул с лодки в воду.

И было чему удивляться. Колышек с лепестками оказался верхушкой огромного великолепного храма, погруженного в воду. Храм несколько напоминал храм Христа Спасителя в Москве. Громадная нижняя часть его уходила вниз на неведомую глубину и постепенно терялась в сумерках холодных слоев воды.

— Ничего себе! — ахнул Микко. Он проплыл вокруг верхней части строения. Попытался прочистить одно из множества окошек и заглянуть внутрь. Ничего не вышло.

С лепестками получилось лучше. Микко потерял один из них своей огрубевшей ладошкой и из-под мелкой аквариумной зелени проступил желтый металл.

То есть этот загадочный храм венчал не крест, не полумесяц, не орел, а золотой цветок, очень похожий на тюльпан. Очевидно, когда к городу подступал рассвет, этот цветок начинал светиться и сверкать над городом с первым

лучом солнца. А то, что вокруг храма должен лежать чрезвычайно красивый город, Микко понял сразу. И правильно понял. И еще он догадался, что в середине «тюльпана» должны находиться больших размеров драгоценные камни.

Однако Павлова прекратила его дальнейшие исследования.

— Не торопись, Микко. Неизвестно, что там происходит. Дождемся утра и яркого солнца.

Постепенно надвигался вечер. На еще светлом небе стали проступать первые яркие звезды. Микко лежал в лодке на спине, укрывшись русской дохой и положив руки под голову, а Павлова, прислонившись к лодке плавником, рассказывала Микко:

— Это звезда Холодная. Ее каждый дельфин с детства знает. По-вашему она называется Полярной.

Мальчик внимательно разглядывал небо и запоминал.

— А вон видишь созвездие, похожее на рыболовный сачок? Это Большая Кашалотица. Рядом Малая Кашалотица. Если плыть вдоль нее, попадешь на Кубу.

— А там справа что за звезда? — показал мальчик на медленно движущуюся по небу фиолетовую точку. — Как-то она странная.

Павлова дала Микко сигнал замолчать и прислушалась.

— Какое-то судно движется сюда. С погашенными огнями.

И точно, из темноты постепенно выдвигалось низкобортное судно, снаряженное рогами всяких надводных кранов и лебедек. По бокам судна висели шлюпки и водолазные баллоны с кислородом.

Павлова и Микко внимательно следили за судном. Но их, кажется, не замечал никто. На палубе вспыхнула зажигалка и осветила лицо человека, стоящего за рулем.

— Ого, — тихо проскрипела Павлова. — Да это же Красавчик Джимми.

— А чем он знаменит, этот красавчик? — спросил Микко.

— Он тем знаменит, Микко, что это он нападал на корабль с твоими родителями. Очень я не люблю этого человека.

— Ты знаешь, мама, — сказал Микко, — я совсем не знаю этого человека, но уже тоже очень сильно не люблю его.

Павлова тихо стала отплывать от лодки.

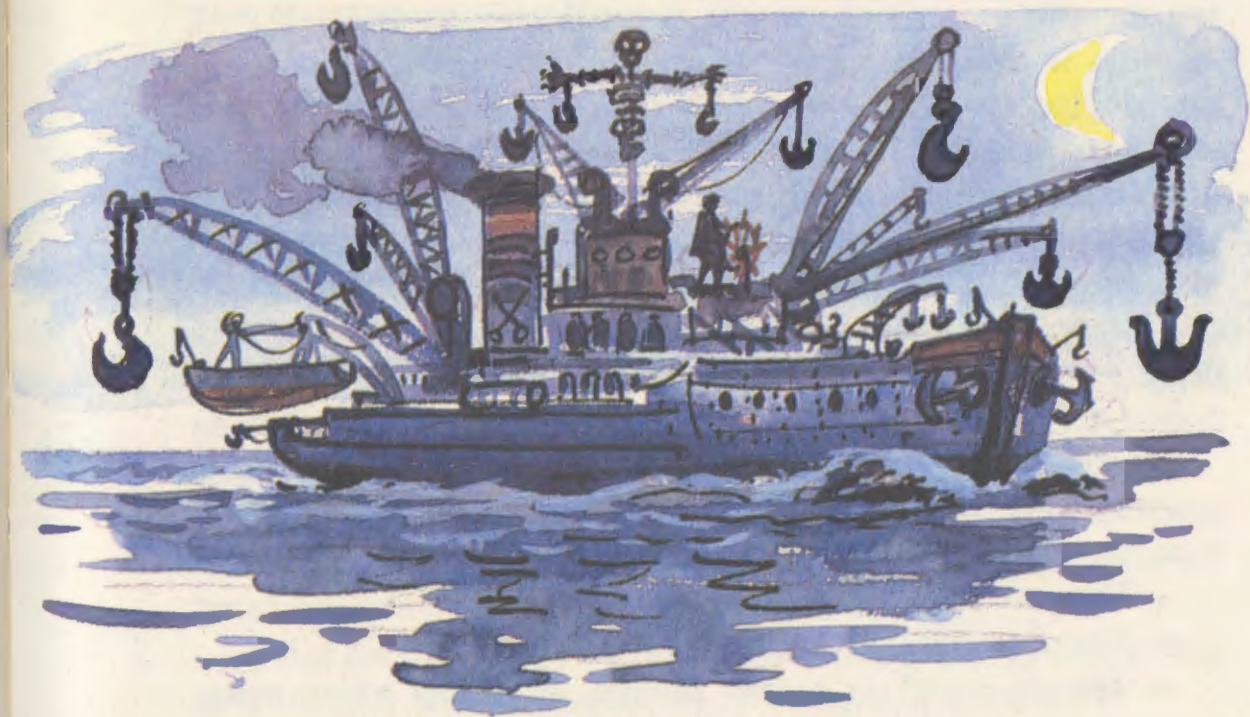
— Ты куда, мама? — спросил Микко.

— Я хочу посмотреть, куда они направляются.

Павлова оставила лодку и некоторое время шла за кораблем Красавчика Джимми. С корабля не доносилось ни звука. Красавчик сидел впереди как статуя и внимательно следил за показаниями какого-то прибора. От корабля так и веяло преступностью — то ли партизанщиной, то ли доставкой наркотиков, то ли просто бандитизмом и мародерством.

Скоро Павлова вернулась.

— Они идут на какой-то радиомаяк. Слава богу, кажется, наши пути в этот раз не пересеклись.

Утром Микко вскочил на ноги просто одним прыжком.

— Мама, — закричал он, — ты где?

— Я здесь, — ответила Павлова.

— Ну, что? Ныряем?

— Сейчас это бессмысленно. Подождем час, пусть солнце выпустит лучи.

Микко стал налаживать акваланг.

Потом он съел пару бананов.

— Ну, все! — закричал он Павловой. — Вперед!

Она ушла в глубину. Микко последовал за ней.

И как с вертолетного полета они увидели панораму большого средневекового города.

Строения в нем, правда, были совсем непривычного типа. Это была не Европа, не Египет и не Китай. И в то же

время имелись здания, чем-то напоминающие старый Рим, Афины, индийские храмы. И все было в идеальной сохранности. Просто как в музее. Только мелькнувшая стайка рыб убедила Микко и Павлову, что это не видение, не сон, что под водой действительно находится город.

Павлова погружалась все ниже и ниже. Мальчик, сколько мог, следовал за ней. Она могла опускаться ниже, чем Микко. Но у него было одно преимущество — ему не надо было всплывать наверх, как Павловой, чтобы заменить кислород в необъятных, но все же ограниченных легких.

На самом дне в окружении одноэтажных строений они увидели огромное озеро-зеркало. Павлова подплыла к нему и заскользила по поверхности, как по льду.

— Что это? — спросил Микко.

— Ртуть, — ответила Павлова.

— Ничего себе! — сказал Микко. — Самая дефицитная вещь в мире. Сколько градусников можно сделать!

Ртутное озеро было очень красиво. Быстрое течение очищало его от падающего морского мусора. Поэтому оно блестело как полированное. И пузырьки воздуха из Миккиного акваланга текли и вверх, и вниз одновременно, пока не исчезали в дымке. А вечером, очевидно, в нем будут видны звезды.

Но в этом подводном городе много очень странного. Главной странностью было сочетание археологии с космодромом. Он напоминал доисторический земной город, построенный где-нибудь на Марсе. Встречались конструкции, напоминающие радары, и в то же время были строения, явно похожие на пирамиды инков или ацтеков. Стояли там и сверкающие металлические «силосные башни», напоминающие и мечети, и ракеты. Одно сооружение явно служило для массовых спортивных игр и всегородских собраний.

Микко решил исследовать одно здание поближе. Оно было трехэтажным и разукрашено барельефами, как шка-тулка. Скорее всего это был жилой особняк. Микко подер-

гал входную ручку. Ничего не произошло. Дверь стояла мертво, как приваренная.

Микко дернул сильнее. Ручка осталась у него в руках.

— Осторожнее, — сказала Павлова. — Ты так дергаешь, весь дом может развалиться.

Следующим зданием, которое выбрал Микко, был четырехэтажный металлический аквариум. Здание без единой лишней детали. Оно имело единственный вход-ворота и было зеленого цвета с алюминиевыми проплешинами. Слева от ворот просматривалась огромная, с суповую тарелку, красная кнопка. Микко нажал ее, ворота уехали вверх.

Слава богу, сверху торпедой прилетела Павлова и схватила Микко клювом за ногу. А то бы он непременно заплыл внутрь.

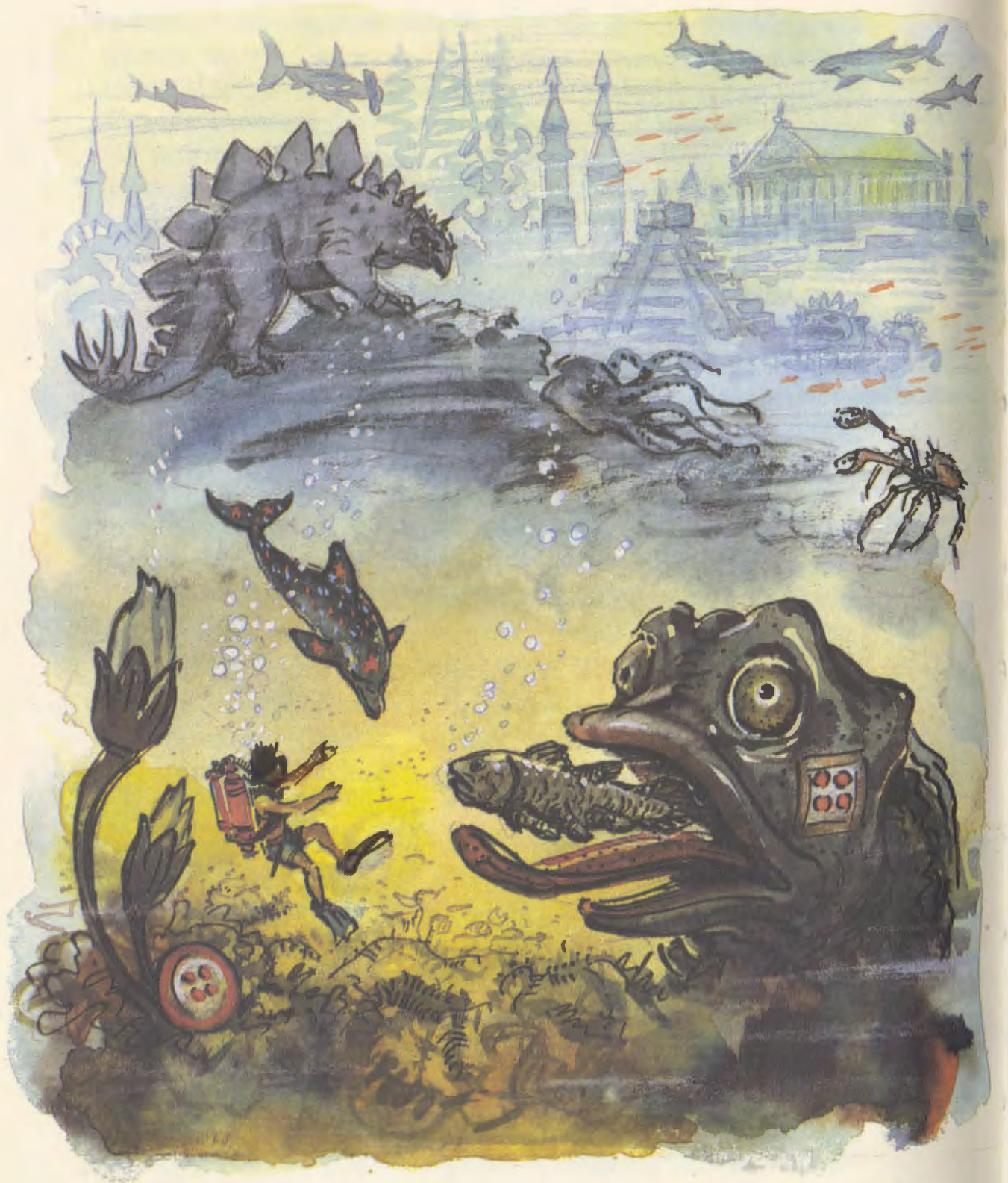
«Наверное, это и есть та самая Атлантида, которую так долго ищет все человечество», — подумал Микко.

А Павлова вдруг встревожилась. Она услышала далекий стук мотора вчерашнего катера.

Тем временем Микко подплыл к пространству, чем-то напоминающему парк аттракционов. Ворота были сделаны в виде огромного ископаемого чудовища. Между его ног можно было войти в парк, а шея и голова уходили куда-то высоко-высоко, прямо под облака. Кажется, облака были сделаны из салаки. А может быть, надвигался планктонный дождь, потому что в парке явно потемнело.

Сразу же за входом, как голова Черномора, на дне стояла голова какого-то идола. Огромные застывшие зеленые глаза. Тонкий, плотно сжатый рот, выдающийся вперед. Голова немного напоминала голову хамелеона. А на том месте, где должно быть ухо, находилось нечто, абсолютно ясно напоминающее пульт управления: четыре яркие квадратные кнопки. Каждая так и просила: «Нажми меня!».

Рядом находился огромный закрытый цветок лотоса, тоже с пультом около него.

Микко не выдержал и нажал первую кнопку на голове «хамелеона».

Из головы «хамелеона» выехало нечто, похожее на язык, сделанный в виде огромного подноса для торта. Микко нажал вторую кнопку. Язык въехал обратно, при этом втянув внутрь небольшого тунца.

Микко нажал третью кнопку. Язык «хамелеона» снова выехал наружу. Но из пасти выплыл уже не тунец, а какая-то таких же размеров кистеперая рыба.

Микко показал Павловой, что им надо подниматься. У него было срочное сообщение для нее. Как только они пронеслись сквозь толщу воды к небу, он стащил маску и сказал:

— Мама, эта волшебная голова сделала из тунца древнюю рыбу. Как у нас в учебнике биологии. Представляешь, мама, она понизила степень развития на одну ступень.

— Смотри, сам не залезь в эту голову, а то вылезешь головастиком, — сердито отреагировала дельфиниха.

Павлова задумалась.

— Нет, я просто обязана посмотреть, что они собираются делать, — вдруг сказала она.

— Ты о чем, мама? — спросил мальчик.

— Все об этом же корабле с Красавчиком Джимми. Жди меня здесь и ни с места. И не вставай в лодке в полный рост.

Она нырнула, погрузилась в глубину и пошла длиннющими нырками в сторону видневшегося на горизонте партизанского судна.

Микко долго ждал ее, как было велено. На море он подчинялся Павловой беспрекословно.

— Все ясно, — сказала Павлова мальчику, когда вернулась к лодке. — Эти типы тоже нашли подводный город и собираются грабить его.

— Что будем делать, мама? Сообщим нашим?

— Пока погодим. Может быть, я ошибаюсь.

А команда Красавчика Джимми действительно начала грабить. И делала это варварски. Напарники Джимми положили динамит под один небольшой дворец, включили взрывное устройство, и все — и стены, и крыша — полетело вверх.

Когда остатки дома постепенно опустились вниз и муть осела, мародеры спокойно начали рыться в обломках, выбирая ценные вещи, украшения, монеты, золотые изделия.

Микко, узнававший все со слов матери, сказал Павловой:

— Так они разрушат его до конца. А ведь это бесценный памятник.

— Я скажу им, — решила Павлова.

— Не надо, мама. Они тебя поймают.

Павлова не послушалась.

— Микко, — сказала она, — дай мне преобразователь речи.

Она подплыла к катеру и встала перед ним на хвост.

— Мистер Джимми, — сказала она. — Я просила бы вас оставить в покое подводный город.

— А я бы просил бы тебя убраться подальше, мисс килька, — грубо ответил Красавчик Джимми.

К нему подошел один из водолазов:

— Шеф, надо поймать ее и заставить на нас работать.

— Попробуй ее поймай.

— Я могу ее подстрелить гарпуном в плавник.

— Давай, стреляй.

Водолаз поднял подводное ружье и выстрелил. Стрела на проволоке попала в плавник Павловой, и бандиты подтянули ее к кораблю.

Микко видел все это в морской бинокль. Он был весь в слезах. Тем не менее он немедленно сел за передатчик.

— Ничего, крысиный Красавчик. Ты у нас еще поплаваешь!

И вот с крошечной лодки полетели в разные стороны радиоволны. Они сразу же уперлись в радиомачту на базе Тристана. А радист на корабле Моржова спал.

Радист с радиограммой бегом побежал к полковнику Еллоу.

— Шеф, — сказал он рыжему командиру, — секретная радиограмма. Русские вызывают к себе Тристана и Генри.

— Тристан знает об этом?

— Нет, шеф.

— И не сообщайте ему.

— Что вы, шеф! Ни за что.

В это время из приемной Еллоу выскользнула какая-то полумокрая зверюшка. Она довольно шустро пробежала по сложным лабораториям, ангарам и складам базы и через минуту уже докладывала Тристану:

— Эй, Тристан, тебя вызывают русские.

— Откуда ты знаешь?

— Только что шефу телеграмму принесли.

— Спасибо, друг.

— Чего там. Давай доллар.

Тем временем Еллоу дал указание в микрофон:

— Тристана и Генри с базы не выпускать.

Вахтенные у морских ворот говорят друг другу:

— Тристана и Генри велено не выпускать. Надо будет им помочь. Их, наверное, опять зовут русские.

С военной базы уйти невозможно. Это знают все. Но нет ни одного военнослужащего, который при необходимости не сумел бы уйти с военной базы. Какой-то один особо ретивый постовой на очередном пропускном пункте не хотел выпускать дельфинов. Генри долго убеждал его открыть ворота. А Тристан сказал:

— Чего там! — взял и дернул служащего за штанину. Разумеется, ретивый вояка оказался в воде вместе со своим автоматом. И что самое интересное — наши герои не стали открывать ворота, а, запрыгнув на бетонную перемычку, ящерицами поползли по ней к следующему участку акватории.

Вот в океане появилось два плавника. Это Тристан и Генри. Микко первый заметил их. Очевидно, потому, что он их ждал.

— Тристан, это бандиты! Они поймали маму.

— Хорошо, сынок, мы с ними разберемся. Что они здесь делают?

— Грабят подводный дворец.

— Ба! — говорит Генри. — Они, наверное, нашли Атлантиду.

— Для начала надо их привязать к месту, — сказал Тристан. — Для этого есть много способов.

Он погрузился в воду и вытащил длинную водоросль.

— Намотаем это на винты. Чтобы они никуда не спешили. Как они фиксируют это место?

— У них на дне радиомаяк.

— Переставим, — сказал Генри и нырнул в глубину.

— А теперь, — приказал Тристан мальчику, — ты спрячься за кормой. А мы поработаем.

Он подплыл к борту и начал со страшной силой стучать хвостом по металлу. Так что кусочки обшивки даже посыпались в воду.

— Эй, Красавчик Джимми! Выходи, тебя ждет полиция!

Джимми выскочил с автоматом на палубу и подошел к борту корабля.

— Ага, — сказал он, — к селедкам прибыло подкрепление.

Он поднял автомат и прицелился. В это время Генри разогнался с противоположной стороны катера и, вылетев из воды, всем корпусом упал на Красавчика Джимми. Оба, проломив деревянную планку, вывалились в океан.

И вот уже Джимми в океане. Его автомат медленно скрылся в пучине.

— Вы же не утопите меня? — жалобно спросил он у Тристана. — Дельфины никогда не убивают людей.

— Людей, Красавчик Джимми, — жестко ответил Генри, — а не мародеров.

— Прикажи своим уголовникам выпустить Павлову! — приказал Тристан. — И мы тебя отпустим.

Джимми что-то прокричал на палубу на своем непривычном колумбарийском наречии. Тотчас же два матроса выволокли на палубу и бросили вниз Павлову.

Микко в это время прятался под кормой судна. Он висел на старой швартовочной крышке, как большой пальмовый краб, и очень старался не стучать о корму подводным снаряжением. Он было бросился на помощь Павловой, но Генри жестом приказал ему оставаться на месте.

Вот Красавчик Джимми поднялся на судно. Он скрылся в каюте и вышел, неся в руках ручной пулемет:

— Ну вы, селедки! Сейчас мы поговорим по-другому. Или вы согласитесь работать на нас, или мы пустим вас на консервы. Полный вперед! — приказал он мотористу.

И моторный катер, набирая ход, стал гоняться за дельфинами.

Особенно трудно приходилось Павловой с пораненным плавником. Как только дельфины всплывали на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, волны над ними прорезала очередь пулемета.

Но и Красавчику Джимми было не очень удобно. Одновременно он пытался и стрелять, и управлять катером. Тог-

да он отложил пулемет в сторону и буквально загонял, замучил Павлову, ходя кругами вокруг нее.

Наконец он остановил катер, уперся двумя ногами в палубу и поднял тяжелый пулемет.

Настала очередь Микко вступать в дело. Буквально ящерицей быстрый мальчик прошмыгнул через всю палубу и применил против Красавчика Джимми простой мальчишеский прием. Руками он взялся за щиколотки головореза, а головой уперся ему прямо в задницу. Никакой, даже самый сильный человек не может устоять в таких условиях. И, разумеется, Красавчик Джимми на полной скорости вылетел за борт. В последнюю секунду он успел ногами зацепить Микко. Микко тоже свалился в воду.

Генри в это время подлетел к катеру, ухватил клювом кусок жести в обшивке корабля и, превратившись в американский консервный ключ, стал делать повороты вокруг собственной оси. Длинная полоска разрезала корабль.

— Надо уходить! — закричал ему Тристан. — Ты зря теряешь время. Они могут нас догнать.

— Нет, не могут, — ответил Генри и выплюнул большой кусок железки изо рта.

К ним подплыла Павлова.

— Где мальчик? — спросила она.

Дельфины огляделись и увидели, что Красавчик Джимми плывет рядом с Микко и показывает дельфинам нож в своей правой руке.

— Поговорите с ним, — приказал друзьям Тристан. — Узнайте, что он хочет. Отвлеките внимание, а я сейчас.

— Ты что, донырнешь до него? — с сомнением спросил Генри.

— Попробую.

— Но ведь это почти триста метров!

Вместо ответа Тристан ушел под воду.

— Эй, Джимми, отпусти мальчика! — стала просить Павлова, медленно подплывая к головорезу.

— Только если вы довезете меня до берега.

— Довезем.

— Только если набьете лодку товаром.

— А если нет?

— Тогда... — Джимми поднял руку с ножом.

В эту секунду из воды вылетел Тристан и поймал руку Красавчика Джимми клювом.

— Что будем делать? — не размыкая челюстей, спросил у друзей Тристан.

— А вот что, — ответила Павлова.

Она взяла клювом Красавчика Джимми за ботинок и потянула его в глубину.

— Неужто топить?! — поразился Тристан.

Но топить бандита Павлова не собиралась. Как раз в этом месте находился парк с космическими аттракционами. А в парке была голова «хамелеона», понижающая степень развития существа на одну ступень.

Павлова подтащила Джимми к «хамелеону» и проделала все те операции, которые проделал Микко с тунцом.

Через секунду на поверхность моря всплыла страшного вида обезьяна со скошенным лбом, мощными руками и пистолетом в зубах. Она начала палить из пистолета во все стороны, плохо соображая, что она делает.

«Надо повторить», — решила Павлова и, схватив за лапу обезьяну, потащила ее в воду. Тристан помогал ей, как будто он был ее двойник. Они действовали как катамаран. То ли это у Павловой была такая особенность включать всех в свою работу, то ли это свойство вообще есть у каждого дельфина.

Через секунду на поверхность моря выбрался какой-то странный летающий ящер. Он с трудом стал подниматься на воздух, буквально отрывая каждую часть тела от воды. И, крича что-то несуразно злое, полетел куда-то вдаль над морем.

Именно такими ящерами был набит айсберг, который привезли в Крым из Антарктиды.

Когда все успокоились, около лодки Микко и Павловой было устроено совещание.

— Что будем делать с этим городом? — спросила Павлова. — Подарим вашим или нашим?

— Ни вашим и ни нашим! — возразил Генри. — Ни наши, ни ваши не доросли.

— А давайте ничего не делать! — предложил Тристан. — Пусть этот город будет ничейный.

— Можно я скажу? — вмешался Микко. — Надо подарить этот город дельфинам. Пусть здесь будет столица государства дельфинов.

Дельфины с уважением поглядели на мальчика.

— А как же мы его назовем?

— Для столицы государства дельфинов есть только одно название! — торжественно сказал мудрый Генри.

— Какое? — спросили все.

— Атлантида, разумеется.

Клязьма,
1991 — 1992 гг.

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Художник
ВЛАДИМИР ШЕВЧЕНКО

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СОБАКА НА БЕЛОРУССКОМ ХУТОРЕ

Я люблю интересных животных. Мне однажды мой друг журналист Алик Прокопчик говорит:

— Поехали на хутор к леснику Ивану Белоусу, у него свинья есть непомерной длины. Ты таких еще не видел.

Вышли мы с ним на дорогу, сели на попутный грузовик и стали на хутор добираться. Сначала на грузовике, потом на тракторе ехали.

Смотрю, из калитки выходит свинья, большая-пребольшая. И уши у нее закручиваются на морду. Как лопухи глаза закрывают.

Большая-пребольшая, но не такая уж огромная, чтобы из-за нее полдня на хутор ехать.

Оказалось, что это свинья-дочка. А есть еще свинья-мама. Как пошла она из калитки, так никак и не кончится. Огромная-преогромная, как два сцепленных автобуса. Я и не знал, что такие на свете бывают. А это была какая-то особая американская порода. Как эта порода попала на глухой лесной белорусский хутор, не знал никто.

Но самым интересным животным на хуторе оказалась не эта свинья, а собака Чарка.

— У меня много собак было, — говорит Иван Белоус, —

но эта — самая умная. Она, как человек. Она у нас два дома охраняет. Мой и брата моего, на другом конце хутора. У нас покрутится, посмотрит, все ли в порядке, и туда бежит.

Я говорю:

— Что же, собака на полставки. Это еще не самая умная.

— А я и не говорю, что поэтому она самая умная, что два дома охраняет. Она такие вещи делает, что не знаю как рассказать. Вы можете не поверить.

— Какие же такие вещи?

— А вот какие. Однажды у нашей кошки котята должны были родиться. Она ходила и кричала весь день. Ее взяли и за дверь выставили. А за дверью мороз. Потом мы хватились — нет кошки, должно быть, замерзла или волк утащил.

— И что дальше было?

— А ни чо. Через месяц кошка пришла с двумя поросятами. Ее Чарка в коровнике пристроила или в будке у себя и еду ей туда носила.

Тут подошла жена Ивана Белоуса и сказала:

— Ты про поросенка расскажи.

— А что про поросенка? — спросили мы с Прокопчиком.

— Однажды у всех свиньи опоросились. А у нас свинья большая, гуляет себе, а поросят нет. Но как-то утром приходим мы — около нее поросеночек лежит. Маленький такой, белый. Откуда взялся — всего один? У нас совсем другие поросята бывают. Да и не время еще нашим рождаться. Мы прошли по домам хутора и узнали, у кого такие поросята были. Они были у соседей наших через дом. Вот Чарке и стало обидно, что у всех поросята есть, а у нашей американки нет. Она и украла поросеночка.

Я стал к Ивану приставать:

— Расскажите еще что-нибудь про вашу собаку.

А он сказал:

— Потом. Сейчас все из головы вылетело.

Бывают встречи с интересными людьми, а это была встреча с интересной собакой.

ИСТОРИЯ

С ЯСТРЕБОМ-ПЕРЕПЕЛЯТНИКОМ

Когда я был пионером, я считал себя крупным знатком зверей и птиц. Потому что прочитал три тома великого ученого Брема.

Я знал всех ящериц, лягушек, птиц. Мог запросто, глядя на летящий в небе контур, сказать:

— Это коршун. А это сокол-сапсан.

Тем более что тогда этих ящериц и «контуров» было очень много. Не знаю, куда все они сейчас подевались.

И вот однажды в лесу под озером Круглым я нашел ястребиное гнездо. Я рассказал об этом приятелю — Коле Судакову, такому же крупному специалисту, как я, и мы залезли в гнездо и взяли двух птенцов из трех.

И стали их растить.

Растить мы умели, и наши ястребы все росли и наливались силой. Они становились все красивее и крупнее. От них шел пух во все стороны, иногда они клевались и при вылете из клетки опрокидывали лампы и вазы. И пачкали они вокруг себя все, что могли.

Им явно не было места в городской квартире.

Мы вдарились в панику: предлагали школьным живым

уголкам, звонили в городской детский зооуголок, но никто ястребов-перепелятников брать не хотел.

Как же глупо мы себя вели, когда брали их из гнезда! Что мы себе думали — соколиной охотой в городе заняться или что это попугайчики-неразлучники и они будут мирно чирикать на шкафу. Мне сейчас даже рассказывать об этом стыдно.

Короче, я однажды оставил окно открытым...

Как я потом узнал, Коля поступил так же.

Что стало с ястребами — не знаю. Скорее всего, они погибли от голода или их заклевали вороны... Есть у меня слабая надежда, что они попали в руки голубятников, и те спасли их. Потому что голубятники иногда используют ястребов для спугивания голубей, слишком засидевшихся на недоступном месте.

За одно я себя просто благодарю: что третьего ястребенка мы не тронули, и родители, наверное, вырастили хоть одного.

Сейчас я почти не встречаю ни ящериц, ни «контуров» в небе.

УКУС ГАДЮКИ

Это было в рабочем поселке Рагациеме в Латвии. Мы с собакой Астрой — тибетским терьером пошли к озеру искать янтарь. Около озера канал прокладывали экскаватором, и в отвалах песка можно было янтарь собирать, даже очень крупный.

Собаке Астре янтарь был совсем ни к чему, она больше за компанию ходила, а я очень хотел кусок янтаря найти с мухой внутри. Такой янтарь редко, но встречается. И эта доисторическая муха меня очень интересовала. Я бы ее с современной мухой сравнивал — у кого больше ног, больше крыльев, и узнавал бы, в какую сторону мухи за тысячелетия развивались.

Светит солнце, я янтарь ищу и вдруг слышу, моя Астра как залает, потом как заскулит. Я обернулся, вижу Астра рычит на маленькую черную гадюку, а гадюка на песке вьется, тихо так шипит и назад отползает.

«Укусила она или не укусила?» — думаю. И понял, что укусила. Уж больно моя Астра лапой морду трет.

Я Астру схватил и в деревню ходу. Там спрашиваю у стариков:

— Что бывает, если собаку змея укусит?

Они мне говорят, что собака день походит, потом становится вялой, судороги начинаются идохнет.

Караул! Моя собака уже дергается, у нее судороги. Потому что она очень маленькая.

Я ее в рюкзак посадил и ходоу в соседнюю деревню на велосипеде. Там ветеринарный пункт был.

Подлетел, стучу. Вышла женщина. Я ей говорю:

— Спасите мою собаку, ее змея укусила!

Женщина говорит:

— Мне жалко вашу собачку, только я ничего не могу сделать. Наш ветеринар в отпуске. Я просто уборщица.

Я чуть не заплакал. А женщина говорит:

— Я вам ампулу дам.

— Какую ампулу?

— С противозмеиной вакциной. Нам для коров выдают. Вы в больницу поезжайте, пусть вам укол сделают.

— Если у вас ампула есть, дайте мне шприц, я сам себе, то есть собаке, укол сделаю.

Уборщица говорит:

— Нет, это не так просто. Есть инструкция, как уколы делать. И не один, а несколько.

Она принесла мне ампулу в яркой картонной коробочке. И там была инструкция. Сначала надо было сделать укол из слабого раствора сыворотки. Потом укол корвалола, чтобы сердце стимулировать. Потом укол из концентрированного раствора. Потом еще какой-то.

Я бросил у нее велосипед, выскочил на шоссе, сел на попутку и в город Тукумс бросился. А собаке моей все хуже. Лежит тихо в рюкзаке, только вдруг дергаться начинает.

Шофер меня к самой «скорой помощи» подвез. Я рюкзак с собакой оставил у входа, сам в чистую-пречистую больницу вхожу, где все белое. От этой белизны я еще чумазее и грязнее стал. Врачи на меня с удивлением смотрят:

— Что с вами?

— У меня щеночек умирает, — говорю, — его гадюка укусила. Помогите!

Им показалось «сыночек» умирает. Они требуют:

— Несите его немедленно сюда.

А как я с собакой вошел, они на меня как закричат. И между собой сердито по-латышски заговорили.

Я им говорю:

— Это не простая собака. Она в кино снималась. Она петь умеет.

Только они еще больше сердятся.

Тогда я им говорю:

— Да послушайте. Сегодня собаку укусили, завтра — мальчика. А вы даже не знаете, как уколы делать надо. Вы бы хоть попрактиковались на собаке. Вот у меня ампула в кармане, а вот какая сложная инструкция.

Врачи задумались и говорят:

— А ведь, вправду, мы не умеем противозмеиной вакциной пользоваться. А ведь мы же «скорая помощь». Ладно, давайте вашу собаку сюда, будем ее спасать. Только вы в своей одежде уходите на улицу. Когда надо будет, мы вас позовем.

Я на улицу пошел и ждал целый час. Через час мне собаку вынесли. Она была без сознания. Но врачи сказали:

— Будет жить ваша собака. Мы все правильно сделали, не упустили ее. И вам спасибо. Мы теперь умеем вакциной пользоваться.

И точно, собака Астра ожила. И много еще героических подвигов сделала. А когда я в деревню вернулся, старики у меня спросили:

— А ты гадюку убил?

— Нет, не убил.

— А зря, надо было ее лопатой ударить. Каждый человек в жизни должен змею убить.

И вовсе не каждый. И не надо никого убивать. Эта гадюка там живет, и мы к ней на ее территорию пришли.

Она маленькая, а собака для нее большая. Однако она на собаку смело бросилась.

Это давно было. Тогда еще не знали, что змеи полезные. И я тоже этого не знал, а ведь правильно сделал, что гадюку не убил. Сейчас ее дети по свету гуляют и свой яд людям отдают. А гадючий яд очень полезный. Он на противозмеинные сыворотки идет.

МАГНИТНЫЙ ДОМИК ПОД ВЛАДИМИРОМ

У моих родственников в 30 км от Владимира, в селе Пожарица, есть домик. Я люблю приезжать туда на велосипеде.

Снаружи домик серо-черный и мохнатый, а изнутри цветной и интересный. Он весь оклеен журналом «Крокодил». Все стены в «Крокодиле» и даже потолок.

Пьешь чай, уставив взгляд в стенку, а там два дядьки идут. Один другому говорит:

— Хорошо, снежок хрустит.

А другой отвечает:

— Под ним капуста.

Снаружи домик маленький, как лифт. А внутри он почти просторный. И в нем все есть. Маленькая, но русская печка. Кухня со всеми кастрюлями. И даже есть отдельная комната. И согреть дом можно одним поленом.

И все к этому домику тянутся. И меня к нему тянет. И птицы на чердаке живут, и во дворе ежи.

И все растет во дворе как бешеное: и капуста, и крапива. Я нигде не видел такой крапивы — до второго этажа. Хоть удочку из нее делай.

А однажды зимой в этом доме один преступник жил. Он из тюрьмы сбежал. В деревне много пустых домов, и

совсем на окраине есть. Поселяйся и живи, однако он этот дом выбрал в самом центре деревни. И тихо-тихо, как мышка, жил три месяца. А потом пошел и в милицию сам себя сдал.

Наверное, через этот домик проходит магнитная силовая линия Земли. Я все хочу принести компас и посмотреть, как поведет себя стрелка. Наверное, она укажет синим концом в потолок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОДВОДНЫЕ БЕРЕТЫ

Глава первая
НАБОР В ДИВЕРСИОННУЮ ШКОЛУ
9

Глава вторая
«ТРИСТАН, НА ВЫХОД!»
17

Глава третья
«ПАВЛОВА, НА ВЫХОД!»
23

Глава четвертая
«ЗАДЕРЖАТЬ И ОБЕЗВРЕДИТЬ!» ...ЕСЛИ ПОЛУЧИТСЯ!
35

Глава пятая
ПОБЕГ
47

Глава шестая
БОЛЬШАЯ ОКЕАНСКАЯ ПОМОЙКА
55

Глава седьмая
НАДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА
69

Глава восьмая
БЕЛАЯ ЯХТА, ЧЕРНЫЙ КАТЕР
91

Глава девятая
МИККО — СЫН ПАВЛОВОЙ
107

Глава десятая
ОЗЕРО НА ДНЕ МОРЯ
127

РАССКАЗЫ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СОБАКА
НА БЕЛОРУССКОМ ХУТОРЕ
148

ИСТОРИЯ С ЯСТРЕБОМ-ПЕРЕПЕЛЯТНИКОМ
150

УКУС ГАДЮКИ
152

МАГНИТНЫЙ ДОМИК ПОД ВЛАДИМИРОМ
156

художник этой книги

ВЛАДИМИР ШЕВЧЕНКО

В каких только сражениях ни участвовал Владимир Гаврилович Шевченко — и в Бородинском, сражаясь с армией Наполеона, и в Цусимском бою: вместе с крейсером «Варяг» и канонерской лодкой «Кореец» он отбивал атаки в несколько раз превосходящего противника в русско-японской войне, а во время Севастопольской обороны вместе с доблестным матросом Кошкой он добывал нужные сведения для отечественной армии. Как же это возможно, спросите вы, и сколько же тогда ему лет? Для художника все возможно! Вместе с гусарами ходить в атаку под Смоленском в 1812 году, вместе с канониром стрелять из пушки на тонущем броненосце «Адмирал Ушаков» в 1905-м.

А вот в Великой Отечественной войне Владимир Гаврилович действительно принимал участие. Он был тогда восемнадцатилетним юношей.

Много книжек сделано художником о Советской Армии — о парашютистах, танкистах, связистах, о мужественных и смелых людях. Чтобы лучше знать быт солдат, он вместе с экипажем мчался в танке и даже участвовал в сложных военных подводных операциях.

Владимир Гаврилович любит природу, животных, птиц, море. Он учился рисовать в разных специальных учебных заведениях. Школой познания искусства рисования была для него жизнь и сделанные им книги для детей. Но самыми важными своими учителями он считает старшего брата Ивана — художника от бога, художников А.Фильберта, М.Таранова и писателя Виталия Бианки.

В. Г. Шевченко оформил много книг для детей: «Солдатская школа» Бориса Никольского, «Бородино» М.Ю.Лермонтова, «Планета чудес» Александра Шалимова, несколько книг о замечательных кораблях и героях-моряхах в серии «Морская слава» и много еще других хороших книг.

Но самая памятная и дорогая его сердцу — «Сюн и Кунг» (о слонах) Виталия Бианки. Художник считает, что и ему слоны принесли счастье — счастье рисовать для детей.

Эта книга заинтересовала художника потому, что здесь есть все, что он рисовал всю жизнь — и море, и дельфины, и армия, которую в этой книге он изобразил с улыбкой.

Фото Александра Китаева

Литературно-художественное издание

Эдуард Николаевич Успенский

**Общее собрание
героев повестей, рассказов,
стихотворений и пьес**

В десяти томах

Том первый

**ПОДВОДНЫЕ БЕРЕТЫ
РАССКАЗЫ**

Ответственный редактор
О. Т. Ковалевская

Художник-редактор серии
Л. Д. Каминский

Художественный редактор
В. С. Итальянцев

Технический редактор и корректор
Т. П. Княжицкая

Подготовка оригинал-макета
А. Г. Закирова

Формат бумаги 84×108/16. Бумага офсетная. Печать
офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд.
л. 14,8. Тираж 150 000 экз. Цена договорная.
Заказ № 3934.

Торгово-издательское товарищество «Комета».
191002, Санкт-Петербург, Загородный пр., 10, офис 37.

Лицензия № ЛР 061683.

Министерство информации Республики Беларусь.

Минская фабрика цветной печати.

220115, Минск, Корженевского ул.

